

Ода Тюмени
Выпуск 8

2015 г.

Ода Тюмени

Выпуск 8

Муниципальное автономное учреждение
культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»
ИНН 7204037883
Филия: МАУК «ЦГБС»
«Информационно-библиотечный
центр для молодежи»
г. Тюмень, ул. Чернышевский тракт, 15, корпус 1

Тюмень
Издательский дом «Митч.м»
2015

ББК 94.3
О 40

Ода Тюмени: Сборник. – Тюмень: ООО «ИД «Титул», 2015.-76 с.

В сборник вошли лучшие произведения самодеятельных авторов конкурса «Ода Тюмени – 2015» (номинации «Стихи», «Проза» и «Песня») по двум заявленным темам: «И пусть поколения помнят...» (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.) и любая свободная тема, посвященная Году литературы – 2015 в Российской Федерации.

Издано по материалам девятого открытого городского конкурса литературного и песенного самодеятельного творчества «Ода Тюмени» с сохранением авторских редакций.

Сборник издан при финансировании
Администрации города Тюмени

Я НЕ ЗНАЮ ДЕДОВОЙ МОГИЛЫ

Я не знаю дедовой могилы.
На неё не принесу цветы.
Никогда мне даже с Божьей силой
Не заполнить этой пустоты.
Не нашли его по старым спискам –
Затерялся дед среди войны.
Может, он под старым обелиском,
Где не все фамилии видны.
Никогда не быть ему усталым,
Немощным, ворчливым и седым.
На военном снимке обветшалом
Дед навек остался молодым.
И сегодня, празднуя Победу,
В день, когда от яблонь всё в дыму,
Подарю букет чужому деду,
Благодарно поклонюсь ему.
Может, внук его сейчас не близко.
И от всей душевной доброты,
Может, он стоит у обелиска –
Деду моему принёс цветы.

НА ФРОНТЕ ТИШИНА

Лежит письмо с войны на кухонной скатёрке –
Листочек обветшал, слова едва видны.
В нём девочка одна в линиялой гимнастёрке
Писала о весне, как будто нет войны:

«На фронте тишина. Зачехлены орудия.
А мы оглохли все от этой тишины.
Играет ручеёк весеннюю прелюдию,
И вишня расцвела, как будто нет войны.
Паду ничком в траву. Как облако, растаю.
А ветры надо мной игривы и вольны.
Почувствовав крыло, я с ними улетаю,
Как будто нет войны. Как будто нет войны.»

И смерти вовсе нет. На солнечном пригорке
Лежу в густой траве, цветные вижу сны.
В кирзовых сапогах, в линялой гимнастерке
Мечтаю о любви, как будто нет войны...»

Десятки лет прошли – их, словно, не бывало.
Листок передо мной, слова едва видны.
Но девочки той нет, что о любви мечтала –
Осталась навсегда в окопах той весны.

СОН О ВОЙНЕ

Не знала войны я, не знала войны.
Но снятся порою военные сны.
Как будто рисует, склонясь над листком,
Войну рисовальщик пастельным мелком.
Корпит рисовальщик и в страшной картине
Рисует бойца – подорвался на mine.
Я кровь промокаю последним бинтом
И воздух ловлю перекошенным ртом.
На мне санитарная сумка надета.
Пилотка в крови. Но страшнее не это –
Как он хладнокровно рисует потом
Моё отраженье во взгляде пустом.
Отходит солдатик, покорен и тих.
И муки его я делю на двоих.
Устал рисовальщик. Крошится мелок.
Сгоревшей берёзки рисует ствол.
Рисует прощание на полустанке.
Тесёмки в руке от солдатской ушанки.
И мне мой мальчишка с безусым лицом
Клянётся в любви перед страшным концом
Рисует потом, как идёт под уклон
Везущий егона войну эшелон.
Легко и свободно рисунок ложится,
И проще простого в нём жизни лишиться.
Мелками играя, в бою роковом
Сотрёт он однажды меня рукавом.
Войны я не знала... Не знала войны?
Откуда тогда эти страшные сны?

В АПРЕЛЕ НА ТУРЕ

Сыро, холодно, ветрено, на Туре мелкий лёд.
Продвигается медленно по реке теплоход.
Как актёр гримированный, и флагшток набекрень.
На боку намалёвано синей краской: «Тюмень».

А народ удивляется, смотрит сверху с моста:
«Как же он умудряется? Ведь ещё холода!»
Теплоход – кроха маленький. В рубке краска свежа.
На двухвёсельном ялике спит речная душа.

И матросик на палубе чистит кнехт целый день.
Без вопроса, без жалобы, без попытки на лень.
Может, галлюцинация? И авитаминоз?
Началась навигация! Это я вам всерьёз!

По морям ходят крейсера, шхуны и корабли.
Но у нас свои «фрейлины» и свои «короли».
Капитан крутит песенки. Все, как есть, дребедень.
А матросик на лесенке драит надпись: «Тюмень».

ПАРАД ПОБЕДЫ

В прошлое нас возврати, кинохроника.
Память нам всем освежи:
Как залихватски играла гармоника –
Эх, хорошо, братцы, жить!

Красная площадь. Июнь сорок пятого.
Главный военный парад!
Мы победили фашиста проклятого –
Выдюжил русский солдат!

Тридцать минут... и прошли победители
Мимо Кремлёвских трибун...
Все десять тысяч – парадные кители!
Белый гарцует скакун!

«Маршал Победы!» – ликуют солдатики,
Дружное грянув: «Ура»!
Эхом прошлось от Курил и до Балтики
То громовое «У-р-а»!

...Если б собрать в этот строй победителей
Всех, кто погиб на войне,
Рать из погибших солдат-небожителей
Шла бы почти двадцать дней.

Только представьте себе на мгновение:
Райский покинув погост,
Павшие в страшной войне поколения
Встали б опять в полный рост!

Пасмурным утром спустились заранее.
Наземь с обжитых небес!
И потянулись шеренги бескрайние...
Но, ни один не воскрес...

ДРЕССИРОВЩИК

Написано на основе реальных событий.
За годы Великой Отечественной войны
собаки-камикадзе ценой своей жизни
уничтожили более 300 танков противника

Его призвали в первый день войны
Со всеми подопечными из взвода,
Он их дрессировал уже полгода
Для пограничных войск родной страны.

И тут война... Он получил приказ:
«Переучить собак, и месяц сроку!
От «сыщиков» сейчас не много проку,
Готовь бойцов! Бойцы нужны сейчас!»

Он их готовил для борьбы с врагом:
В бою бросаться с минами под танки,
Привязывал им на спину болванки,
Подкармливая после сахарком...

Они виляли предано хвостом,
Когда он гладил их рукой по холке
И говорил им в шутку: «Вы же волки!
А нежности телячьи на потом!»...

.. Они погибли в первом же бою,
Хозяину так беззаветно веря!
(Невелика, казалось бы, потеря:
Ну, отдали собаки жизнь свою)

Атака захлебнулась, кончен бой:
Дымятся восемь «Тигров» у окопа,
Приехал штаб (с командующим) скопом,
Увидеть лично, что там за герой?

Он перед ними даже не привстал,
Сжав голову дрожащими руками,
И в блиндаже подсумок с поводками
Его питомцам памятником стал...

...Он выл, как волк на полную луну,
И ничего не ел вторые сутки,
Скрипел зубами, с выраженьем жутким.
Ночную нарушая тишину...

Его решили «сплавить» в медсанбат, –
Душевная не заживала рана.
Обняв его, как брата, утром рано,
«Спасибо!» – прошептал ему комбат.

...Потом, когда закончилась война,
Он долго жил один в лесной избушке,
Вытачивая детские игрушки –
Собачек из кедрового бревна...

ФРОНТОВАЯ ИСТОРИЯ

Доктору медицинских наук, профессору Военно-Медицинской Академии им.
С.М. Кирова (Санкт-Петербург), Генерал Майору Медицинской службы,
Кавалеру боевых орденов и медалей, Герою Социалистического Труда,
Волкову Вениамину Васильевичу посвящается...

Через минное поле ползу по-пластунски к реке,
Прикрываясь телами погибших наместни солдат...
Две канистры пустые сжимаю в замёрзшей руке...
Мне их надо набрать и скорее доставить в санбат!

А с пригорка по мне беспрестанно ведётся стрельба...
Вот и кромка воды – наконец-то я вдоволь напьюсь!
Пули ищут меня, только, видно, пока не судьба –
Доползу до своих – всем Богам, всем Богам помолюсь!
Я не чувствую пальцев в воде ледяной – не беда,
Наполняю канистры... А снайпер стреляет – вот гад!
Он же знает, что значит для раненых эта вода!
Я же им обещал, непременно вернуться назад!

...Вдруг, навстречу мне кто-то ползёт – не могу
разобрать...
«Эй, браток, подсоби!» – я шепнул, а в ответ ни гу-гу!
Он в одной из воронок, наверно, решил подождать –
Много их на изрытом бомбёжкой речном берегу...

Я поближе подполз... Мы столкнулись буквально лоб в лоб!
И рука потянулась тихонько к ножу в сапоге...
Мы взглянули друг другу в глаза, и прошиб нас озноб!
Он чего-то бубнил... на немецком своём языке...

...Как две капли воды он на старшего сына похож,
И сжимает пустую канистру в дрожащей руке!
...Я убрал в голенище под «финку» заточенный нож –
Пусть ползёт – всем нам хватит воды в той кровавой
реке...

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Бывшему охотнику Егору Трушникову посвящается...
(написано на основе реальных событий)

Он шёл за ним уже который час;
кровавый след тянулся вдоль пригорка;
«Врёшь – не уйдёшь!» – азартен был Егорка,
И белке в глаз он попал на раз,

А тут немного дрогнула рука,
И пуля не нашла заветной цели,
Не волчи, вдруг, привиделись в прицеле
Глаза, и он застыл, как истукан.
...Развязка близко... он его настиг
Уже почти у самой кромки бора,
(Зловеще клацнул карабин затвором)
Победы предвкушая сладкий миг!

...Волк ковылял уже едва живой,
Вдруг, развернувшись, захромал навстречу,
Сочилась кровь из левого предплечья,
И волк мотал устало головой.

Приблизился на несколько шагов,
Взглянул в глаза охотнику так странно
Присел на снег, зализывая рану.
Десяток метров разделял врагов.

Смотрел охотник в жёлтые глаза,
А волк в его небесно-голубые,

И не уместны здесь слова любви,
Когда по шерсти катится слеза...

А серый взглядом, будто бы просил:
«Добей меня, прерви мои мученья,
Ты выстрелил за-ради развлечения,
Но я тебя за то уже простил!

Не можешь? Что ж, давай, я помогу», –
Волк встал... и сел к охотнику спиною,
И целый мир объятый тишиною
Застыл на окровавленном снегу...

«Ну, что ты медлишь, ты же «Царь зверей»?!
Стреляй! Ты победил сегодня в схватке!
и, как всегда, всё у тебя в порядке,
а мне лежит дорога в мир теней»...

Охотник опустил свой карабин,
Не в силах сделать тот, последний выстрел,
А волк, прощаясь, вдаль смотрел, – как вызрел
И пропитал подлесок цвет рябин!

Тянулось время. Из последних сил
Рванулся волк охотнику навстречу,
Ощеривши клыки, в последний вечер
Предсмертным рыком тишину пронзил...

Раздался выстрел... Волк упал на снег,
Глаза по-человечьи так смотрели,
И шапка снега покатилась с ели,
И рухнул на колени человек...

С трудом поднялся и побрёл домой,
Ни разу, ни на миг не оглянулся,
Лишь у околицы, сняв лыжи, затанулся
Цигаркой под ущербною луной.

...Всю ночь его терзал тот «волчий» взгляд,
Кошмарный сон лишил его покоя!
Ну, надо же..., случится же такое...
Как он хотел бы всё вернуть назад!

Наутро свой кормилец-карабин
И все патроны, что имелись в доме,
Охотник бросил в прорубь на затоне,
И «горькую» неделю пил один.

...Он дал зарок,
Что не притронется к ружью,
Уехал в город, вскорости женился,
Ночами больше волк ему не снился.

Лишь волчья тень
ходить повадилась к ручью...

Солдату Великой Отечественной войны
Ф. Гришану посвящается.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

– Ну, где мой сын?
Солдат шагнул в избу.
Он своего еще не видел сына.
Четыре года он пытал судьбу –
От стен Москвы до самого Берлина.
– Ну, что же ты? Поди сюда, малец!
И плачет мать: не бойся, это ж тятя!
Так вот какой – таинственный отец,
Знакомый по рассказам старших братьев.
Широк в плечах и волосом черняв,
И лишь усы – как будто в мыльной пене...
... Стоит сестра, счастливая, обняв,
Худой рукой отцовские колени.
И суетится бабка у стола:
– Родной! Вернулся... Мы-то ждали, ждали...
Завороженно смотрит из угла
Трехлетний сын на тятини медали.
Как в песне – яркий орден на груди...
Но что солдату все его награды!
Он всю войну прошел, как день один,
А старший сын... погиб... под Сталинградом...
– Смотри, малец, что я тебе привез!
В ладошку детскую ложится пряник белый.
И снова мать сдержать не может слез,
И сын к отцу вдруг тянется несмело.
Ну, а потом в избе накроют стол
И пустят чарку горькую по кругу...
Обычный день. Солдат с войны пришел.
К себе домой. Один – на всю округу.

Летчик-внук прислал фуражку деду...
Тот подарку, как мальчишка, рад.
И обнову в светлый день Победы
Он надел на праздничный парад.

И хотя пехотным лейтенантом
Он закончил прошлую войну,
Но фуражка внука с синим кантом
Украшала деда седину.

Шел старик в строю, хромал неловко —
Зацепила пуля под Москвой.
И клюку, как верную винтовку,
Он сжимал вспотевшею рукой.

Шел и плакал — видно, сдали нервы.
И на миг вернулись в память вдруг
Первая атака в сорок первом,
В том бою погибший лучший друг...

Дождь по крышам отыграл стаккато,
Прело пахла майская земля.
Шел старик, как будто в сорок пятом
По брусчатке древнего Кремля.

Вечером, устав, как после боя,
Вспомнил всех — и мертвых, и живых:
Сняв фуражку внука, выпил, стоя,
Сто заветных граммов фронтовых.

Веду нерадостный подсчет
И, право, — не до политесов.
У нас поэтов недород,
Зато, как сорняков, Дантесов.
Но за прошедшие века
Злодеев души оскудели:
Поэтов бьют исподтишка,
Не так, как раньше, — на дуэли.
Ах, как легко курок спустить! —
От злобы, зависти, из мести...
И благородство не в чести,
Когда — ни совести, ни чести.
Кого о милости просить
И у кого искать ответа:
Когда же на святой Руси
Научатся беречь поэтов?

Стихи не стоят ни гроша –
Как пустота, как многоточье...
И что с того, что в них – душа,
Порой изодранная в клочья.
Ее не стиснуть в кулаке,
Ее не взвесить на ладони.
Душа, как певчий дрозд в силке,
Меж строчек мечется и стонет.
Услышит, кто имеет слух, –
Откроет сердце нараспашку.
А тот, кто от рожденья глух,
Без жалости удавит пташку...
Поэты нынче не в чести.
Но было им знаменье свыше...
И дрозд в силке глухих простит
И будет петь для тех, кто слышит.

Обычные люди, простые желания —
А, впрочем, у смерти нет оправдания.
Но, выбрал их Бог, для великого дела —
Чтоб жизни свои они отдали смело,
Их души спасли миллионы других —
Таких же обычных, таких же простых!
Они все, конечно, святые — в раю,
Пред ними преклоняюсь, за них молюсь.
Для каждого, кто в те годы погиб,
Я если бы мог, обелиск бы воздвиг.
Они ведь на нас глядят свысока,
Быть после рожденными — честь велика...

Дней тишина качается в бокале,
На стенках оседая серебром —
Мы нити счастья где-то растеряли
И чувства тлеют робким огоньком.
Сердца тоскуют в рамках из привычек,
А души ранятся о ребра острых слов.
Из облаков надуманных кавычек
Сплели мы нашей истине покров...

ДНЕВНИК БАБУШКИ

У речки Ендырь бабушкино детство...
Вот класс её, учитель-фронтовик.
Храню я, как богатое наследство,
Её тетрадку с надписью «Дневник».
Весна. Послевоенная седьмая...
Вся «карточная» система позади...
А в честь Победы бабушкина мама
Печёт без лебеды впервые пироги.
Мука из лебеды в мешочке тощем
Висит на чердаке всегда сухой.
А рядом ветер северный полощет
Запасы трав, завяленных весной.
Моченая брусника, ёрш да окунь,
Да барыня-картошка на столе.
Доносит репродуктор через окна
Рыдания о погибших на войне...
Читаю строчки – и подумать страшно:
Страданья, гибель, муки наяву.
Нельзя сидеть беспечно, безучастно.
Нельзя забыть проклятую войну.

ДАВАЙТЕ, ВЫКЛЮЧИМ ВОЙНУ

Давайте, выключим войну
И будем слушать тишину.
Услышим, как звенит капель,
Дробя упрямо аппаратль.
Услышим, как шумят леса,
В лесах же – птичьи голоса,
И как журчит живой родник,
Где ивы куст над ним поник.
Мы не услышим плач детей
И стон несчастных матерей.
Покой наступит. Тишина...
Нам вовсе не нужна война!
Пусть не услышим свиста «Градов»,
Щелчки и стрёкот автоматов.
Пусть небо будет голубое,
А солнце вечно золотое,
В полях пшеница колосится,
Пусть нашим детям сладко спится.
Добро и мир всем в каждый дом,
Не нужен этот нам Содом.
Давайте, выключим войну
И будем слушать тишину.

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Китель без почестей, скромный покррой,
Трубка дымится. И Сталин – живой.
Мерит шагами нарком кабинет
Поступью медленной. Тянется след
В год 45-й, в СССР.

Думает Сталин... От принятых мер
Будет зависеть, что ждет впереди,
Дальше пойдем по какому пути.
Чтобы Великой Державою стать,
Надо хозяйство страны поднимать.
После триумфа, Победных фанфар
Снова в едином строю млад и стар.
Много вложили и сил, и труда,
И из руин поднялись города!

...Родина наша – Советский Союз.
Братья: эстонец, латыш, белорус,
Чукча, татарин, узбек, армянин.
Коми, казах, украинец, грузин.
Много есть братьев – все дороги мне.
Жили мы дружно в единой стране,
Строили шахты, мосты, ДнепрогЭС
И берегли наши недра и лес.
Весь урожай собирали с полей.
Общие цели сплотили людей:
Строили школы, заводы, дома
И засыпали зерно в закрома.
Братские узы старались крепить
И, как святыни, традиции чтить,
Волю всех наций. Все были равны.
Верили в общность – единство страны.
Знали, что Родина всем дорога,
Ведь отстояли ее от врага.

...Пишет товарищу старый солдат:
«Братства эпоха закончилась, брат.
Разве с тобой мы чужие, скажи?
Были крутые у нас «виражи».
Вместе с тобою тянули мы БАМ,

Беды и радости – все пополам.
И распахали с трудом целину,
Чтоб сообща накормить всю страну.
Вместе встречали Победный рассвет.
Все это в прошлом – страны больше нет.
Кровь проливали за что, брат, с тобой?
За капитал и за «бизнес» чужой?
Было немало военных дорог.
Кто же нас предал, кто, брат, пренебрег
Дружбой народов? Мне горько, поверь.
Кто мне товарищ? Кто брат мне теперь?
Не уберег я страну. Сам не рад
Жизни теперь. Уж прости меня, брат.
Вот...написал...» – И скатилась слеза.
Слабой рукою протер он глаза.
Больше не в силах с собой совладать,
Вдруг разрыдался и лег на кровать.
Старой пружины послышался скрип...
Долго мне старческий чудился всхлип...

У ВОКЗАЛА, ГДЕ СОСНЫ В КРУЖОК
(ЭЛЕГИЯ)

У вокзала, где сосны в кружок,
Вальс «Над волнами» слышу звучит...
Это Память – мой давний дружок,
В моё сердце, сквозь годы стучит...

Пятачок танцплощадки в соснах,
Их стволы, кроны – замкнутый круг.
Он живёт наяву и во снах...
Память – добрый, внимательный друг.

Капельмейстер изящен и строг.
Трубы звонкие нежно ноют.
И, волнуясь, не чуя и ног
У перил танцплощадки стою.

Медь оркестра волшебно звучит
И не густ пар танцующих круг.
Память в звуках живёт – не молчит,
И в объятиях ласковых рук...

А девчонки – подружки мои,
Они рядом со мною стоят.
Мнут в волненьи косынки свои...
Мои девочки – юность моя...

Над страной, над Москвой далеко...
Полыхает пожаром война.
Гибнут люди!.. И всем нелегко...
Вот уже год, как не гаснет она.

На фронтах косит юность война,
Опаляя дыханьем своим.
И с утра, и весь день до темна
У станков мы – девчонки стоим.

Молодой лейтенант, поклоняясь,
Улыбнувшись, на вальс пригласил.
Закружил меня юный мой князь!..
Я плыла... Я летала без сил...

Моё имя, зардевшись, спросил,
И своё мне навек подарил...
Вальс кружил нас, на волнах носил,
На меня он смотрел, говорил:

- Эшелон па запасномстоит.
Отправляемся. Скоро и в бой...
Жаль... Война нам расстаться велит...
Я хочу, чтоб Вы стали судьбой...

Смолкла музыки нежная вязь.
Мои руки в своих задержал...
На меня любовался мой князь!..
И к груди своей тихо прижал...

- На прощанье надежду мне дай...
Адресок свой в блокнот напиши.
Победим – я вернусь... Так и знай...
Женихов выбирать не спеши...

Письмецо мне вручили мои...
- Шлёт поклон тебе город Смоленск!
Ведём тяжкие, Зоя, бои
За посёлочек маленький Энск.

Затихают ночами бои.
Спят солдаты и пушки молчат.
Вижу милые очи твои,
И для нас, в тиши, вальсы звучат.

Отгремела давно уж война.
Столько лет пролетело с тех пор!
Всё несёт меня вальса волна...
В сердце грусть... Его взгляд, разговор...

Сквер вокзальный, где сосны в кружок
Вальс старинный вновь, слышу, звучит...
Это память – мой давний дружок
В моё сердце сквозь годы стучит...

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Вас немного уже на параде –
Ветеранов второй мировой,
Кто в военном пожаре и чаде
Нашу землю прикрыли собой.

Кто домой возвратился с Победой,
Кто нам Родину нашу сберег,
Кто свинцовую кашу отведал
В перепутьях солдатских дорог.

Весь народ с вами вместе ликует,
Над страной малиновый звон.
Это Родина ВАМ салютует,
Это ВАМ самый низкий поклон.

ВОЙНА

Мы одели шинели,
И пошли воевать,
В один миг повзрослели,
Научились терять.

Пролетели недели,
Ожидания дни,
И в потертой шинели
Я вернулся один.
Без ноги, с костылями,
Но, как видишь, живой,
Я навстречу с друзьями
В двор вернулся родной.
Двор притих опустевший.
Пацанов – никого.
Матерей поседевших
Тут и там серебро.
А девчонке, той самой.
Что любимой была,
Никогда не стать мамой,
Жизнь война отняла.
Без неё день – копейка,
Ночь, как адское дно,
Стопку, мама, налей-ка,
Чтоб чуток отлегло.

В водке горькой не может,
Утонуть сердца боль,
Мысль безумная гложет:
Почему я живой?

Тюменцам – участникам трудового фронта
в годы Великой Отечественной войны
посвящается...

ТРУЖЕНИКАМ ТЫЛА

Сквозь бурю страшных испытаний
И горечь тех тяжёлых лет
В тоске тревог и ожиданий
Вы сберегли Отчизны свет.

И на заводах, и в колхозах,
В цехах, на вахте трудовой
Средь фронтовых событий грозных
Любимых ждали вы домой –

Пронахших порохом и пеплом,
В пилотках, скатках, кирзачах,
Что наравне с весенним ветром
Несли победу на плечах.

А вы им дома помогали:
Пасли коров, растили хлеб,
На фронт составы отправляли
Хватило подвига для всех.

Участнику Великой Отечественной войны
Ивану Арсентьевичу Афанасьеву в день
90-летнего Юбилея посвящается...

Паспортный возраст – условность,
Выглядит цифрой сухой.
Истинный возраст – способность
Жизнь украшать собою.

Это – готовность для близких
Верной опорой быть,
И не искать покоя,
И доброту творить.

Это – любить Отчизну
Преданно и открыто
И, не жалея жизни,
Встать на ее защиту.

Это – трудиться на совесть,
Легких путей не искать,
Жизни своей повесть
Набело написать.

Вас мы таким знаем,
Сказано здесь про Вас!
Всею душой поздравляем!
Вы – образец для нас!

ЧЕРНО-БЕЛОЕ КИНО

Смотрела жёлтая луна
В окно печально.
По телевизору война --
Документально.

Лицо солдата одного --
Широким кадром,
Как будто, это не кино,
А где-то рядом...

«Ну вот, и свиделись, Кузьма!» – светло сказала
И треугольничек письма
К груди прижала.

Катилась жёлтая луна,
Клонясь к погосту...
И баба Рая умерла
Легко и просто.

СЛЕПОЙ И ГЛУХОНЕМЫЕ

Как страшно оказаться в темноте,
Когда ещё вчера – все краски мира
Сияли в первозданной красоте...
Но – слепота однажды наступила.

На лавочке сидит седой старик,
Щекою ловит тёплый солнца лучик.
Проходим не услышать горький крик,
Запрятанный среди морщин – излучин.

Как просто окунуться в пустоту,
Встречать грядущий день без интереса,
Лелеять в сердце глупую мечту:
Увидеть эту даму из собеса.

По вторникам приходит и жильё
Становится уютным, тёплым домом.
Загадочно так пахнет от неё,
Неуловимо – женственно – знакомо.

Но как-то раз пришла уже не та
И холодом повеяло могильным...
Открыл ей дверь – святая простота! –
И свет в глаза ударил очень сильно...

СЕВЕР В ПАМЯТИ ХРАНИТ

Вот и окончен институт,
Диплом врача в кармане.
На Север Лидочку зовут,
Людей лечить – призвание.

«Как же так? – вздыхает мама,
Из квартиры, да в мороз!».
Только знает: дочь упряма,
Что решила, так всерьёз.

Сам Эрвье её направил
В этот Старый Уренгой.
Чтоб народ здесь вышки ставил,
Хворь не знал на буровой.

Ещё не было больницы –
Люди к доктору идут.
Собирала по крупице
Медицинский атрибут.

Всё лечила: зубы, гланды.
Шла на вызов в дождь и в ночь,
Соблюдая принцип главный:
«Я обязана помочь».

Роды в тундре принимала,
Пеленала, как своё
Радость мамочек Ямала
В белоснежное бельё.

Помогала всюду песня,
Как подруга, как сестра.
С нею Север стал чудесней
И добрее мошकारа.

Прошли годы. Тридцать с лишним.
Есть отличный результат.

Есть награды, что не лишни,
Есть и радость от внучат.

Коль теперь живёт в Тюмени,
Север в памяти хранит:
Едет в тундре на оленях,
Песня русская летит!

Дороги, русские дороги,
Вы – словно струны у веков.
Я слышу грусть почтовой тройки
И ледящий вой ветров.

Немало, милые, узнали
Печали, пота, крови, слез.
Но никогда вы не роптали
От грохота сапог и гроз.

В воронках, как в колодцах рваных,
Приняв огня и стали бег,
Не умирали – боль и раны
Залижет дождь, затянет снег.

Пороховым пропахли дымом,
Но в лужах – солнышка глаза.
И слита с горечью полыни
России чистая слеза.

Дороги, русские дороги –
Начало и конец разлук.
Надежды, радости, тревоги
И продолженье наших рук.

ЧУДО ЛИ?

Чудо ли? Может судьба!
С фронта живым вернулся.
Только, мне снится пальба.
Выстрел. И я проснулся.

Молча глаза открыл,
Вышел из дома под звезды,
Чиркнул, втянул, закурил...
Дым потянулся в ноздри.

Ох и дурная привычка,
Бросить бы, все забыть.
Жалко, что память, как спичку
В миг один не погасить.

Снятся мне танки, гранаты,
Лица знакомых ребят.
Все, как и я – солдаты.
Раненые лежат.

Снятся глаза их усталые,
Сорванные голоса,
Формы от крови алые
И огоньков полоса.

«Что же, закурим, товарищи!» –
Вырвется вдруг из уст.
Влага наполнит складки морщин.
Я здесь один. Двор пуст.

Чудо ли? Может судьба!
Выжить, вернуться, жениться.
Дом, ребятишек гурьба.
Ночь. И война мне снится.

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Я иду по душистым лугам,
Прохожу по травам выше роста.
Сердце наполняет птичий гам.
Это юности моей святое место...

Вот трава подсыхает в валках,
Там – копешка пахучего сена.
На опушке – высокий стожок,
Сметан ладно, искусно, без крена.

Теплый ветер ласкает головки цветов,
Замирают в полете прозрачные стрелки.
Чудо-бабочки – прелесть лугов...
Как наряды земли моей яркие!

Смотрит в небо зеркальная тихость Оби,
Отражаются в ней кисти красной рябины.
Край родной! Не устану любить я тебя.
Хоть виски сплошь покрыли седины!

ЗОЛОТОМ АСФАЛЬТ ИСКРИТСЯ

Золотом асфальт искрится,
И темнеет рано,
Пролетают стаей птицы
Над речным туманом.

Ветер листья подгоняет,
Разбивает кучи,
Небо быстро цвет меняет,
Собирает тучи.

Золотом асфальт искрится,
И поздней рассветы,
Где-то вдалеке струится
Отголосок лета...

ПО ЧИСТОМУ БЕЛОМУ СНЕГУ

По чистому белому снегу
Приятно идти домой,
И весело так, с разбегу,
Скатиться с горы крутой.

Снежинки ловить руками
И воздух легко вдыхать,
Запрыгнуть в сугроб ногами
И ангелом снежным стать.

И чтобы согреться чаем
Скорее бежать домой.
Как часто мы не замечаем,
Что так хорошо зимой!

ТЮМЕНЬ

Рождённая на берегу Туры,
Копила в себе силы необъятные...
Тюмень – сокровище Сибири,
Ты знала времена лихие, ратные.
Тюмень, отважная Тюмень!
Прошли века и ты в тылу
Победу Родине ковала,
Чтоб защитить свою страну,
Ни сна, ни отдыха не знала.
Тюмень, военная Тюмень!
Ты строилась, цвела, росла
На благо и на славу жителям.
Блестят на солнце купола...
И салютуют победителям.
Тюмень, прекрасная Тюмень!
С годами лик твой молодец,
Ты только краше становилась.
Быть в авангарде – твой удел.
В единстве равных – твоя сила.
Тюмень, любимая Тюмень!

Все тягостнее с детством расставанье.
Как ни тоскуй, мне не вернуть былого.
За временем, делами, расстояньем
Уж не сорвать и лука полевого.
Зато во сне творятся чудеса –
Жар-птица прилетает к изголовью,
Крылами машет, манит в небеса
И смотрит на меня с такой любовью...

Давно, давно я девочкой была.
Теперь воспоминания – услада.
И если грусть шарманку завела,
Живу лишь ими, им всегда я рада.
Тобол, Тобол, не слаб, был твой поток,
Но заплывала, хоть брала усталость.
И, радостная, как речной зверёк,
В твоих песках беспечно кувыркалась.
Теперь скажу (но буду ли права?) –
Тюмень мне заменила Бехтери!
Прости, Тобол, теперь река Тура
Уносит вдаль и ввысь мечты мои...

Жила-была функция в школе одной.
И все обходили ее стороной
Уж очень она непреклонной была.
Красина, стройна и чертовскимила.

Порхала по школе без дум, без забот
То вновь перемена, то скоро урок.
Так и порхала б по школе она
Но с ней приключилась легенда одна.

Во время порханья заметил ее
Тот график, что шел молча мимо нее,
И он взгляд уронил на красивый тот стан,
И сразу влюбившись, задумчивый стал.

И ходит по школе вперед и назад
И ищет ее он задумчивый взгляд
И думает, как прикоснуться бы к ней,
Как сделать, чтоб взгляд был немного нежней.

И тут он решил производную взять,
Чтоб вычислить точку, в которой опять.
Он прикоснуться бы к функции мог
И тангенс угла ему тут же помог.

И функция тут улыбнулась слегка,
И руку ему протянула тогда.
Так и идут по дороге прямой,
Коснувшись друг друга лишь точкой одной.

БАБУШКИН БОРЩИК

Я займу на кухне место,
Попрошу: «Ещё налей!»
Очень вкусный, если честно,
Борщик бабушки моей.
Нашинкованные ловко
В борщ нырнули со стола:
И капуста, и морковка,
И картошка, и свекла.
С каждой грядки понемножку
Всё, что выдал огород,
Зачерпну полнее в ложку
И отправлю прямо в рот.
Ты не прячь, моя тарелка,
Перчик, зелень и фасоль!
Накрошу сухарик мелко –
Он сыграет свою роль.
Посажу на стул игрушки –
Мишку, зайца и лису –
И скажу: «Вот так, зверюшки,
Борщик – самый вкусный суп!»

БЕГИ, СЫНОК, БЕГИ!

Весенним ранним утречком, распугав выхлопами пулемётных многоточий собак, кур и гусей, под окнами колхозной конторы деревни Ольховичи остановился трактор. Заглушив мотор-тарахтелку, красавица-деваха – кровь с молоком, одетая в рабочий комбинезон, весело, с ветерком распахнув двери, возникла на пороге конторы. Увидев председателя колхоза, сидящего за столом, шутейно отрекомендовалась.

-Тракторист Ермолова Ольга, из районного МТС прибыла в ваше расположение на яровую вспашку полей и временное местожительство, соответственно.

Не дав сидевшему и рта раскрыть, молодая трактористка, словно сорока, застрекотала дальше, удивив председателя колхоза своей решительной неугомонностью.

- Жильё-то поди, для одинокой женщины, я надеюсь, у вас в деревне сыщется? – сверкнув белозубой улыбкой, поинтересовалась трактористка.

Молодой, чуть постарше Ольги, председатель так же, не пряча своей улыбки, ответил девушке шуточкой:

- Ежели станем упорно искать обоюдно и переворошим хорошенько все амбарные закрома и сусеки, то тогда, пожалуй, да!

Он вышел из-за стола, продолжая улыбаться и протянул Ольге руку.

- Сельчане меня запросто Андреем называют, так что, будем знакомы. Про себя же сладострастно подумал. «До чего же ты, девушка, хороша, до чего же пригожа! И зачем ты только в колхоз наш прикатила, неужели в нашем «эмтээсе» постарше кого не нашлось...»

Дальнейшее в их жизни сложилось так, как пишут в любовных романах.

Молодые люди, полюбившие друг друга с первого взгляда, соединили воедино не только сердца и души, но и жизни.

Начавшаяся треклятая война разом исковеркала миллионы судеб мирных людей, перевернув вверх дном всё и вся. Она принесла людское горе не только жителям белорусской деревеньки Ольховичи, но и всей единой стране в целом. Народ Белоруссии первым испытал на себе все тяготы войны, горечь утрат и тяжёлых поражений. С первых дней фашистского нашествия многие города и сёла полыхали огнями пожарищ, которые превращали их в чёрные руины выжженной дотла земли...

Садясь за накрытый для ужина стол, Андрей поведал жене страшную, печальную весть: гитлеровские войска взяли сегодня утром Минск.

- Вот вам и обнадёживающий Пакт о ненападении, – продолжая вяло жевать, сказал муж.

- Кажись Оленька, кончилась наша семейная, счастливая жизнь.

Глядя на сына, уплетавшего из миски за обе щёки творог с молоком, Андрей продолжил невесёлый разговор – наказ:

- Ты, Олюшка, сыночка тут без меня береги. Роман станет теперь для тебя единственной подмогой и опорой. Глянь, какой мужик у нас в семье вымахал, орёл! Двенадцать годков ему, не шутка в деле!

Жена в слёзы.

- Любимая, что ты? – встревожился муж – за меня не беспокойся. Ничегошеньки со мной не случится. Я же везучий – сама знаешь...

Фашисты, захватив Минск и не считаясь с потерями, шли дальше, на Москву.

В оккупированных областях и районах Белоруссии осталось много мужчин, которых из-за внезапности нападения и быстрого продвижения германских войск на восток просто не успели мобилизовать для отпора врага. Из таких вот гражданских людей и бойцов – окруженцев начали срочно создаваться небольшие партизанские отряды, а затем и целые полки, и даже соединения.

Оказавшись в плотном окружении немецких армий, они беспощадно громили опорные пункты немцев, их отдельные гарнизоны, взрывали железнодорожные мосты, пускали под откос поезда с живой силой и техникой, нанося тем самым ощутимый урон завоевателям. Одним из таких отрядов командовал бывший председатель колхоза Андрей Леванюк.

Лесную деревеньку Ольховичи, находившуюся вдали от больших дорог, война покуда обходила стороной. Но её обитатели-старики, женщины и дети – жили в постоянном предчувствии чего-то страшного, которое рано или поздно должно будет произойти. Вскоре так и случилось: горькая чаша, преподнесённая войной, не миновала и жителей Ольховичей. Полтора десятка солдат немецкой разведки и их прихвостней-полицаевна трёх автомашинах и бронетранспортёре заявили в деревню ближе к вечеру. Улицы деревни с обеих сторон сразу наполнились криками петухов, кур и визжанием поросят, которых резали и потрошили во дворах полицаи-мародёры для немецких солдат и офицеров. Жора Бутович, который исчез куда-то перед началом войны,

сейчас, будучи в звании старшего полицейского, сразу же по прибытии направился к дому председателя колхоза.

Войдя во двор, он первым делом изрешетил автоматной очередью Полкана, рвавшегося с цепи – верного стража хозяйского подворья. Жора, поднявшись нетрезвой походкой на крыльцо веранды, громко гаркнул:

- Эй, падаль партизанская, выходи на свет белый! Балакать-кумекать с тобой будем, про жизнь твою дальнейшую. Слышь, шевелись, выходи по-быстрому, а не то...

Ольга вышла и прислонилась спиной к дверному косяку. Узнав перелицевавшегося в предателя Жору, сына раскулаченных до войны семьи Бутовичей, Ольга смотрела на него с презрением, со злобой.

«Явился, гад», – закипая уже яростью, подумала она про себя, только вида не подала. Зачем преждевременно навлекать беду на свою голову?

Бутович с ехидной улыбочкой, в развалку, подошёл к Ольге и, дыхнув в лицо перегаром, схватил за плечи, резко развернул и вытолкнул на крыльцо веранды. Своему подельнику, такому же немецкому холую, который сновал за ним по пятам, Жора, злобно глядя на Ольгу, сквозь зубы процедил:

- Айда-ка, шкет, в хату заглянем, шмон там надобно навести капитальный, чем чёрт не шутит, может, чего и нашукаемцененького. Хибара-то не хухры-мухры, председательская...

Как только в деревне прогремели первые выстрелы и поднялась шумиха, Ольга заперла сына Ромку в чулан, задвинула дверь на щеколду, ещё и старую тряпицу навесила для маскировки. Покуда мародёры наводили «шмон», Ольга кинулась к чулану, отворила дверь, вошла к Роману и зашептала ему на ухо:

- Беги, сынок, к нашему деду Архипу на пасеку, что за рекой. Расскажешь ему, что видел, слышал, а дедушка передаст твои сведения в отряд, нашему отцу. Архип, наверняка, знает, как пробраться к Андрею, найти партизан. Мешкать, сынок, больше нельзя. Беги задними огородами, потом кустарником, вниз по реке, дальше сам дорогу знаешь.

Оглядевшись, мать спешно проводила Романа до первого бурьяна. Там, прижав сыночка к груди, заплакала Ольга навзрыд, поцеловала сына в щёки, губы, в лоб, будто её материнское сердце почуяло наперёд, что своего сыночка видит она в последний раз...

Меж тем полицаи-мародёры, перевернув в доме и кладовой всё вверх дном, вышли во двор с награбленным добром, которое Андрей и Ольга честным трудом наживали годами. Даже ручную швейную

машинку, лично подаренную Ольге Секретарём райкома за ударный колхозный труд, и ту шкет привязал верёвкой себе за спину.

- Значится так, красотка, – проговорил Бутович, глядя на Ольгу похотливым взглядом. – К вечеру баньку сварганишь для меня и поручика моего, и чтоб жаркую, с веничком. Мы станем мылиться и париться с тобой по переменке, как когда-то ты со своим любимым муженьком-председателем. Гляди, чтоб так и было. Через час с небольшим баня должна быть на мази. А мы покедова, пойдём обмоем твоё конфискованное добро...

«Ужо, ладненько, уважу я вас, гадов ползучих, так и быть, приготовлю вам баньку, с пылом и с жаром», – решила Ольга, и злобная ярость снова обуяла её.

Прихватив награбленное, полицаи ушли довольные, по направлению к центру села, в правление колхоза, где, видимо, расположилось их штаб.

Ольга попусту тратить время не стала. Женщина уже чётко определилась в своём решении. Первым делом она отыскала в чулане тяжёлый колун и спрятала его рядом с предбанником. Притащила туда же и канистру с керосином. Потом натаскала воды в баки, двумя охапками дров зарядила банную печку, сунула под них сухую сосновую лучину, затопила печь и стала ждать врагов-клиентов. Явилось их, как собак, целая свора. Приехали изверги на бронетранспортёре, чего Ольга не ожидала. Жорка и шкетсразу направились к бане. Остальные с бутылью самогона вошли в дом.

- Ты, шкет, – начал распоряжаться Жорка, – побудешь пока на стрёме, около бани. А как натешусь с милашкой, тогда и будет твой черёд. Иди, зови её, чего она там медлит?

Ольга была в это время в дальнем углу двора, сидела на брёвнышке и слушала пьяную болтовню полицаев в её доме. День заметно угасал, на улице смеркалось. Шкет, войдя в ограду, увидел Ольгу, прошамкал заплетающимся языком:

- Чаворастележилась тут, стерва, иди быстро в баню, Жорик дожидается тебя, невтерпёж ему.

- Ладно, ладно, иду уж, – притворно ласковым голосом согласилась женщина, – вот только халатик накину на плечи.

Удовлетворённо кивнув в ответ, шкет, качаясь из стороны в сторону, направился к бане. Ольга, чуть приотстав – за ним. Поравнявшись с пристройкой, она, тенью скользнув за дощатую стенку забора, нашарила топориче колуна, молниеносно выскочила к предбаннику, размахнулась и, сколько было силы, хряпнулашкета

обухом по затылку. Оттащив мёртвого полицая в тень, Ольга смело вошла в баню. Жорка-боров, прикрыв свои бесстыжие зенки, лежал голым на банной полке, блаженно улыбаясь в ожидании приятного момента, который не заставил себя долго ждать. Деревянный ушат с кипятком стоял рядышком на подставке. Не раздумывая ни секунды, она приподняла ушат на руках и окатила крутым кипятком с головы до ног ненавистного бандюгу. Жорка закрутился на полке, рыча по-волчьи, корчась в предсмертных судорогах...

Женщина догадалась нашарить железную клюку за печкой и не жалеючи, со злостью принялась добивать обезумевшего полицая. Выскочив из бани, Ольга хотела поджечь её, как это было задумано ранее. Но увидев рядом стоящий бронетранспортёр с чёрными крестами по бокам, схватила бутылку с керосином, выплеснула его в кузов. Быстро заскочив в баню, достала из печки тлеющую головёшку и бросила её под брезент машины. Растёкшийся керосин вспыхнул моментально. Женщина влезла в кабину и, разобравшись в её нехитрой механике, запустила двигатель. Дальше было совсем просто, (не зря же она долгие годы пахала на тракторах различных марок), развернув в сторону, дома горящую самоходку, Ольга направила её в стену, где была горница, легко проломила её и въехала в свой собственный дом, в котором дожидались своей смертушки пьяные полицайи. Муж Андрей из-за труднодоступной местности прибыл с отрядом в Ольховичи, когда там уже всё было кончено. Обгоревшие останки жены, как подобает по русскому обычаю, похоронили с почестями, на высоком холме, рядом с её родной деревенькой...

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ

Штурман-лейтенант дергал её за лямки парашюта и кричал: «Вставай, Евдокия, готовься к прыжку, «мессеры» у нас на хвосте! Прыгать придётся на пять минут раньше!»

Очнувшись от дремоты, парашютистка поняла, что будут значить после эти короткие пять минут. Прикинув скорость летящего бомбардировщика, женщина с сожалением подумала: «Это же шестьдесят километров с гаком, не долечу я до места приземления, где должны меня ждать партизаны у трёх сигнальных костров».

Подводя Евдокию к бомболюку, штурман с виноватым видом пощелкал по циферблату светящихся часов: «Не дотянули малость-жаль! Как только откроется люк, сразу прыгай, не мешкай. И затяжным, только затяжным, - продолжал горланить лейтенант. — Иначе фрицы

расколошматят тебя, как мишень в тире. Высота сейчас, чуть более двух километров, так что считай до тридцати и только после раскрывайся, учти это».

- Благополучного приземления тебе, Евдокиюшка, живы будем – встретимся, поди, дорогая! – напоследок кричал он. Беззвучно и медленно раскрылся бомболюк, и обжигающий стылый ветер ворвался внутрь фюзеляжа. Через тридцать секунд, раскачиваясь уже под куполом парашюта, Евдокия полностью оценила опасность ситуации, в которой оказался улетающий прочь самолёт. Огрызаясь огнём всех своих пулемётов, он уводил в сторону от парашютистки двух «мессершмитов», невесть откуда взявшихся в наступающих сумерках. Бомбардировщик уходил с боем на восток, набирая высоту. Там, впереди, по курсу темнеющего неба тянулась сплошная полоса свинцовой облачности.

Женщина молила Бога о том, чтобы ребята успели уйти, затеряться в темноте облаков. После в ночном небе долго ещё слышались, леденящий душу, вой фашистских самолётов и приглушенная стрельба отбивающегося нашего «Ила». Концовку воздушного боя Евдокия так и не увидела, снизу приближалась земля со сплошным массивом тёмного леса.

«Каким будет приземление, что ожидает меня?» – захлестнуло тревогой сердце женщины.

Однако ей несказанно повезло. Она угодила в густой, но не очень высокий ельник. Ветви его мягко спружинили по сапогами, а зацепившийся за макушки деревьев купол плавно затормозил падение. После в потёмках пришлось долго маяться, обрезая ножом перепутанные стропы парашюта. Потом она спрятала в молодой поросли свою амуницию, наломала лапника и решила прикорнуть в ожидании рассвета. Лежа на пахучей хвое, Евдокия смотрела на небо, усыпанное яркими мерцающими звёздами. «Не худо бы сейчас вздремнуть, отдохнуть. Путь-то днём предстоит далёкий», – размышляла женщина. Но сон, как назло, не приходил. Сознание и нервы всё ещё были возбуждены произошедшими событиями. Только ближе к рассвету чуткая дрёма перешла в глубокий сон. Проснувшись от утренней прохлады, Евдокия легко поднялась, перекусила на скорую руку сухим солдатским пайком и задумалась о том, в какую сторону ей идти. Вдруг отчётливо послышался хруст треснувшей ветки под чьей-то неосторожной ногой. Евдокия мигом выхватила из кобуры пистолет, тревожно озираясь по сторонам. Присмотревшись, заметила: невдалеке за разлапистой елью, притаившись, стоял человек, наставив на неё дуло советского автомата

«ППШ», и сразу же родной, русский, но требовательный голос: «Стоять! Пароль?»

Еле вспомнив его, женщина ответила: «Война!» и услышала ответное: «Победа!»

Прибывших на её розыски партизан было трое. Был с ними и четвёртый конь под седлом, но без седока. Не старый ещё мужчина – бородач (командир отряда) пояснил:

- Вчера вечером в назначенный час, как было приказано фронтовым командованием, запалили мы три сигнальных костра, ожидая с минуты на минуту приземления парашютиста. Когда услышали далёкие отзвуки воздушного боя, поняли, что случилось что-то неладное. Тогда и решено было на всякий пожарный отправиться искать не долетевшего до места приземления посланца, коим оказались вы, милостивая женщина. Во, дела, а? Ночь напролёт шукали вас по лесам и болотам и, вишь, не напрасно. Представься хоть, как тебя зовут?»

- Трошина Евдокия, военный лётчик лёгкой бомбардировочной ночной авиации. Военское звание – старшина».

- Ясно – понятно, товарищ старшина. Верховом ездить умеете аль нет?

- Без проблем, – ответила Трошина, глянув на резвого жеребчика, стоявшего на привязи в сторонке. – В мирное-то времечко мне приходилось вкалывать с рассвета до заката в родном колхозе, так что обращаться с лошадьми умею.

- Вы уж извиняйте меня, Евдокия, – смутился комотряда. – Грешным делом, почудилось, что перед нами белоручка, а вы...

Проехав верхом десятки километров по немецким тылам, к вечеру четверо всадников благополучно вернулись на партизанскую базу.

Вскоре в штабной землянке командир партизанского отряда, его замполит и военлет – старшина Трошина обсуждали предстоящую боевую операцию – бомбёжку железнодорожного моста, который являлся важным стратегическим объектом в немецком тылу. Через него фашистские захватчики непрерывно гнали эшелоны к линии фронта, снабжая свои войска живой силой и техникой.

- Наша дальняя бомбардировочная авиация, – пояснила Евдокия собравшимся в штабе командирам, – уже давно бы разнесла объект в пух и прах. Заковырка в том, товарищи, что фашисты рядом с мостом держат сотни советских военнопленных. Их жизни нельзя подвергать смертельной опасности. Поэтому решили ликвидировать этот объект с помощью малой фронтовой авиации, коим является «Небесный тихоход У-2». Естественно, операция предстоит не шуточная. Завтра надо будет

ждать у трёх сигнальных костров «стрекозу», на которой прилетит наш лётчик – лейтенант Пётр Николаев, с которым и отправимся мы выполнять боевое задание.

Вторую ночь дежурила вместе с партизанами старшина Трошина, ожидая прилёт транспорта. «Неужели опять ожидания напрасны», – думалось всем. Уже окончательно развиднелось, и все услышали далёкий рокот мотора.

Лётчик их полка, лейтенант Николаев, спец своего дела, классно сманеврировав между деревьев, точнехонько, в десятку, приземлил самолёт, остановившись в конце расчищенной поляны. Заглушив мотор и выбравшись из кабины, лейтенант, взяв под козырёк, по-уставному доложил комотряда о благополучном своём прибытии. После, отыскав глазами Евдокию, стоящую чуть в сторонке, уже просто, по свойски, сказал:

- Вот, мать, пригнал для тебя лично, как говорят фрицы, «руссфанеру» – принимай агрегат!»

От его шуточных слов все вокруг громко рассмеялись. Пётр же серьёзно продолжил:

- Только учти одно, старшина, рулить к мосту будешь сама. Знаю не понаслышке, что с такой «оказией» управляешься ты лучше меня»

- Ну и ладненько» – согласилась Евдокия. – Коль так, полетишь в задней кабине, у меня за спиной, исполняя штурманские обязанности. Вот тебе маршрутная карта нашего полёта, которую мы сообща набросали с партизанским командованием. До моста, по прямой карте, семьдесят пять километров. Но наберётся на десять-пятнадцать больше. Это из расчёта, что нам будет необходимо выйти на фарватер реки. Иначе заблудимся и минует мосток где-нибудь стороной.

Через сутки, в полночь, комотряда и замполит провожали экипаж в дальний боевой полёт. Прощаясь, командир пояснил:

- Вчера днём, на всякий пожарный, я отправил в район моста группу партизан из десяти человек, для вашей подстраховки. Так что имейте это в виду.

Со взлётом у экипажа вышла неудача. Разбег «ушки» катастрофически затягивался: две бомбочки-пятисотки давали мотору о себе знать. Едва не зацепившись за макушки деревьев, машина с горем пополам вскарабкалась на небесный простор.

- Выравнивай нашу «этажерку», курсом строго на север, и так держать! – гаркнул штурман в переговорное устройство. После, через минуту, он, ни к селу, ни к городу, громко запел: «Как родная меня мать провожала, тут и вся моя родня набежала...» «К чему бы такая грусть!»,

– удивилась Евдокия и хотела – было спросить, но не успела, так как сразу услышала:

- Курс – три градуса в западную сторону, и «птичка» вылетит к реке.

«Молодец, Петро! – неплохо, однако, ты петришь в штурманском деле и в карте разобрался четко», – удовлетворённо подумала Евдокия. Меж тем на стёклах приборов замельтешили отблески скорого рассвета.

Вскоре слева обозначилась река с извилистыми берегами и мелким кустарником. И вновь команда штурмана:

- Добери высоту ещё на сотню метров и на малых оборотах шуруй к мосту, а то вдруг гансам сон их нарушим.

Через минуту полёта Трошина различила арки моста. Ей даже показалось, что от них доносится запах застарелой ржавчины

- Мать, сбавь-ка обороты и на бреющем к мосту, на бреющем», – отдавал команды лейтенант.

Когда четко обозначилась средняя опора, послышалась очередная команда:

- Спокойно, старшина, спокойно! Делай снижение до сотни метров, и я с ходу освобожу наши пятисоточки, пусть они поцелуют в... лоб эту проклятую опору.

Сейчас получилось у них все, как по нотам. Выдержав заданную высоту и не дотянув до средней опоры метров семьдесят-восемьдесят, штурман ослабил держатели, и обе бомбы ушли точно к намеченной цели. От собственной взрывной волны самолет, как пушинку, подбросило через рухнувшую опору моста, и он оказался перевернутым колёсами вверх. И тут же проснулись, заохали немецкие «эрликоны». Выравнивая «ушку» в нормальное положение, Евдокия боковым зрением увидела лицо Петра.

Штурман улыбался ей. Но это была уже улыбка мертвеца.

Продолжая лететь на бреющем, Евдокия почувствовала, как со стороны мотора отдаёт невероятным жаром. Лётчица поняла: где-то перебит маслопровод. Работающий на сухую мотор вот-вот вспыхнет, загорится. И она тут же нажала на аварийную кнопку. Мотор невольно чихнул, и его лопасти замерли. Вынужденной, мягкой посадки ей избежать не удалось. Колёса врезались в землю, и машина перевернулась вверх тормашками. Но перед этим от сильнейшего удара о землю Евдокию вместе с пилотским сиденьем выбросило далеко вперед.

Дальше было словно во сне: приподнявшись на четвереньки, плохо соображая, женщина увидела бегущих к ней людей. В голове тревожно мелькнуло: «Неужели немцы? Неужели плен?» Теряющая сознание

Евдокия не в силах была осознать, что к ней на помощь спешили партизаны...

Лётчика – фронтовика Петра Николаева, который годился Евдокии в сыновья, партизаны без лишних торжеств похоронили в недалёком сосновом бору, с приметой для себя на будущее. За Евдокией был послан к партизанам санитарный самолёт, который доставил её в тыловой госпиталь.

С того памятного дня прошло уже немало лет. Евдокия осталась без обеих ног, она – инвалид войны. Сейчас – уже прабабушка, присматривает за своими правнуками, играющими в песочнице. Обещанную в своё время командованием «Золотую Звезду» Героя Советского Союза она так и не получила.

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во всё новое нарядились
Как в солдатики шли играть.

А. Ахматова

ОН ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛ

Слова поэта Михаила Исаковского «он – пол Европы прошагал» в полной мере относятся к участнику Великой Отечественной войны Михаилу Константиновичу Боровикову. В год 70-летия Великой Победы, до которого ему не суждено было дожить, я почувствовала горький упрёк совести. Не однажды слышала его фронтовые рассказы, даже делала записки для себя, но подробно рассказать о солдате-пехотинце так и не собралась. К сожалению. Сегодня хочу поделиться воспоминаниями о моём дяде, который рассказывал о войне достоверно и философски, рассудительно комментировал давние события в разговорах с моим мужем. Я тогда не очень-то и прислушивалась к беседам мужчин, мало что понимая в военной тактике и особых терминах.

- М.К.:Что я тогда знал? Только исполнилось 17 лет и пошёл на фронт защищать Родину, в помощь отцу и брату, которые уже давно воевали. Чувство патриотизма в нас, мальчишках, бродило, как хмельная брага.

Родился Михаил Константинович 19 ноября 1926г. в сибирской деревне под названием КошкарагаЙИшимского уезда. Как и все сельские ребята лазил по сугробам в дырявых валенках, привязывал к ним верёвочками коньки, чтобы кататься по льду стропливой реки Ишим, а летом вместе с приятелями с удовольствием купался в ее прохладной воде. С раннего детства работы по домашнему хозяйству хватало всем: и старому, и малому, ибо это был единственный источник пропитания в многодетных деревенских семьях. Но детство часто не понимает трудностей и принимает мир таким, каким он есть сейчас. Вот и для Михаила детство и юность закончились одновременно, когда он был ещё школьником: в 14 лет началась война. Ушли на фронт отец и брат. Вся тяжёлая колхозная работа легла на плечи женщин, стариков, детей, а подростки сразу стали мужчинами. Им надлежало быть сильными не только физически, но и духовно. На их плечах лежал груз ответственности за судьбу близких, за колхозное хозяйство, за поставки

хлеба фронту. В непосильной работе подошёл грозный 1943-й год, Сталинградская битва обозначила коренной перелом в войне. Деревенскому пареньку Мише Боровикову 19 ноября исполнилось 17 лет, а уже 23 ноября его забрали в армию, военную присягу принял 10 января 1944г. Учебная школа и вот он – фронт, станция Дно за Старой Руссой 2 мая 1944г.

- М.К.: Именно от Старой Руссы начался мой поход по Европе. Пешком в составе 245-й дивизии шли до Пскова, он ещё был под немцами. Далее на передний край обороны в ста километрах в сторону от Ленинграда. После артподготовки началось наступление наших войск и, как долгожданный результат – прорыв обороны противника. Кроме жестоких боёв досаждали ещё стёртые в кровь ноги в сапогах. В продолжительных переходах никакие портянки не спасали. Далее я, в числе других и опять-таки пешком, дошёл до Латвии. Мы освобождали её в жесточайших боях. Местное население приветствовало советские войска на улицах с букетами цветов. Никакой неприязни со стороны латышей мы тогда не замечали. В декабре 1944г. дивизию перебросили в Польшу.

Эта страна, первая из европейских, оказала сопротивление фашизму, за что погибли шесть миллионов граждан от рук оккупантов. Концентрационные лагеря, газовые камеры, крематории – в них нашли смерть и многие из наших гражданских и военных соотечественников. Мало кто из современников знает про Сандомирский плацдарм советских войск на левом берегу реки Вислы. Юноше Михаилу Боровикову пришлось узнать его во всех жутких подробностях. Войска 1 Украинского фронта в ходе Львовско-Сандомирской операции расширили оперативный плацдарм до 60-ти км в длину по фронту и 50-ти км вглубь и в августе 1944г. освободили город Сандомир. Трое суток шли ожесточённые бои, отражая контрудары противника. В начале 1945г. этот плацдарм стал исходным пунктом 1 Украинского фронта для продвижения наших сил в Европу. Сапёр Боровиков вспоминает скупое те страшные дни:

- М.К.: Если чудом остался жив, когда рядом многие товарищи гибли, то, наверное – повезло. Всё думал: где-нибудь встречу отца или брата, они раньше меня ушли воевать, но не довелось. Брат погиб, только я узнал об этом много позже. В редкие минуты затишья, где бы ни был, вспоминал наши красивые деревенские места, величавый Ишим с его крутыми берегами в зарослях ежевики и кустов смородины. Ягода ежевика фиолетовая, иссиня-чёрная – похожая на малину – ягода окрашивает руки, щёки, рот. Мы детьми часто были от неё чумазыми,

цвета марганцовки. Её извитые, длинные стебли покрыты мелкими иголочками. А ещё, ярко-красная земляника, напоенная солнцем. Из «глубянки», так называли лесную клубнику, варили варенье, сушили ягоды на листьях подсолнечника, получались сухие лепёшки, которые зимой распаривали в русской печи в глиняных крынках. Этот духмяный запах я помнил на войне, он заглушал запах гари, пота, пыли. Наверное, родной Кошкарагай с его такой милой обыденностью спасал от пули и мины.

Далее сапёр-сибиряк Михаил Боровиков шёл по территории Польши, в составе советских войск освобождая города: Краков, Катовице, Гливице, а затем и некоторые районы Чехословакии. Наконец достиг Германии на подступах к Берлину, когда была ликвидирована последняя группировка фашистского вермахта. После Победного 9-го мая 1945г. война для нашего сапёра не закончилась, заминированные местности были повсюду и люди продолжали гибнуть, подрываясь на минах. За время военных действий сибирский паренёк превратился в опытного зрелого воина, пережившего гибель многих своих товарищей и мирных жителей. Дома не дождалась мать и его брата с войны.

- М.К.; Мы шли за солнцем каждый день, не сломились и не сдались врагу на милость. А меня судьба, видимо, хранила: не было ни контузий, ни ранений. Однажды пришли под Псков, выгрузились на станции и, вдруг взорвалась рядом бомба! Этот момент моей жизни был, едва ли не самым страшным. Даже сейчас без дрожи в голосе не могу вспоминать лежащих тут и там мертвых товарищей, с которыми только что отмахали пешими столько вёрст. Эта обида за смерть однополчан никогда не погаснет, а будет в душе тлеть до последних моих дней. Победу я встретил в Чехословакии, затем дивизию перебросили в Германию, а через две недели в Австрию. Для этого нам пришлось пройти, опять же пешком, 1200 км за 22 дня, чтобы вывезти с танкового завода наше оборудование.

В Австрии Михаил Константинович прослужил до 1946 года, затем направили в Белоруссию, где разминировал поля. Война закончилась, а люди всё ещё гибли, подрываясь на минах. Демобилизовался сибиряк в звании ефрейтора только в 1950-м году. Родина оценила его вклад в дело Победы боевыми наградами: орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За Победу над Германией», «За взятие Кракова», Знаком «Отличный сапёр». Мне хочется привести названия фронтов по записям его «Служебной книжки», такая вот широкая «пешая» география:

-Ленинградский фронт с 10.06.1944г. по 15.07.1944г.

-3-й Прибалтийский фронт с 20.07.1944г. по 03.09.1944г.

-1-й Прибалтийский фронт с 10.09.1944г. по 15.12.1944г.

-1-й Украинский в составе 898 СП 245 СД с 20.12.1944г. по 09.05.1945г.

- с 19.07.1945г. по 03.03.1950г. служил в воинской части 48277 1-й сапёрной роты.

В послевоенные годы Михаил Боровиков возвратился в родной Кошкарагай. Сразу окунулся в такую привычную, милую сердцу, деревенскую работу: работал трактористом, заведовал фермой. Познакомился с хорошей девушкой Прасковьей Бессоновой, поженились, родились двое сыновей. Когда мальчики подросли, переехали в село Плешково того же Ишимского района. Немногословный дядя Миша слыл на селе трудолюбивым, хорошим специалистом, рачительным хозяином. Орден Трудового Красного Знамени, медаль «За освоение целинных земель», множество юбилейных наград только подчёркивают его авторитет на селе в мирное время. Всю жизнь ветеран труда с любовью относился к технике, знал, куда пристроить любую железку. Его стальные кони, начиная с колёсного МТЗ, всегда были в образцовом порядке – смазанные и отремонтированные. Много лет проработал в Плешковском отделении «Сельхозтехника»: летом на тракторе, зимой слесарем по ремонту техники. Деревенским жителям весной вспахивал их огородные участки. Даже такое, казалось бы, немудрёное дело требует особого подхода: как правильно заехать в огород, не повредив изгородь, когда пришло время вспахать именно этот участок, какая должна быть глубина вспашки и т.д. Большинство селян обращались с этой просьбой именно к нему, т. к. любую работу ветеран войны и труда выполнял аккуратно и подходил к ней со смекалкой. Дядя Миша любил ходить пешком до старости, в неизменной кепке, сапогах и пиджаке приходил к родственникам в Кошкарагай. Трагическая гибель сына Николая, которому было всего 34 года, подорвала здоровье фронтовика. Без малого 60 лет прожили они с женой Прасковьей Александровной, и ушли в мир иной почти одновременно в течение января-месяца 2011 года. Его продолжение – сын Владимир, четверо внуков, два правнука – мужское поколение. Один из них, Игорь, пошёл по стопам деда, после окончания Тюменского военного училища, служил в разных регионах страны, сейчас живёт в Петербурге. Как итог сказанному, вспоминаю слова ветерана Великой Отечественной войны, орденосца, великого труженика земли Тюменской, ничего не просившего от Родины, а бескорыстно отдавшего ей свою жизнь Боровикова Михаила Константиновича.

- М.К.; Я пришёл на войну, когда наши заставили немцев драпать, и шёл по их страшным, кровавым следам, которые несли смерть, оставленными минами. Шагая по Европе, видел, как жили разные народы. Наверное, многие лучше нас, но такой широты русской души, такой открытости и такого самопожертвования я не встретил нигде. А ещё безмерная любовь к родному уголку, где осталось детство. Именно поэтому мы и победили.

70 лет прошло, но народ будет помнить те дни, хотя бы по воспоминаниям очевидцев, «если мы войну забудем, вновь придёт она».

СВАДЬБА

У церкви стояла карета...

Строка из песни

Интересно, бывали в Тюмени свадьбы в жестоких сороковых годах? Не знаю... Наверное, все-таки бывали. Конечно, как и позже, в пятидесятых, и в наших шестидесятых, без таких, как сейчас, цветочных потоков, умопомрачительных нарядов и бесчисленных авто! Самое большее – светлое платье да иногда – маленькая фата из капрона. И все же одну, «настоящуюсвадьбу!» мы видели в своем детстве. Вот как это было.

Летом 1945-го года, после долгого отсутствия из-за болезни я возвратилась в свой двор, о котором уже соскучилась. Едва ли не самую главную новость ребята, почти хором, сообщили мне на следующий день:

- Милка, у нас церковь открыли! Завтра, как раз работает, все пойдём – видишь!

Что увижу, понять и представить я не могла. Объяснить, да и просто рассказать ни у кого тоже не получалось. Каждый говорил одно и то же, без вариантов: «Вот! Увидишь! Сама увидишь!» И – всё.

Церковь эту я, конечно, знала, в ней какой-то склад был. Она стояла на нашей улице Свердлова и называлась – Круглая. Мама говорила, что на самом деле она называется Всехсвятская и что так же называлась «прежде» и наша улица, но запомнить было слишком сложно: то ли дело – Круглая! Да и мама это говорила так, между прочим, на запоминании не настаивала, не то, что если неправильно ударение в слове сделаешь или стихотворение неточно прочтёшь.

На следующий день всей дворовой компанией мы отправились в церковь. Она была еще закрыта – на замок. Я заметила, что здание стало белее, на куполе красиво блестит крест, вокруг очень чисто подметено, а перед ступенями лежит мокрая тряпка. Мы остановились у этой тряпки и стали ждать. Вскоре подошли две хмурые женщины во всём темном и не очень дружелюбно обратились к нам:

- Вы зачем пришли?

- Посмотреть!

- Ну, стойте здесь пока.

Они поднялись по ступеням, погромели замком, открыли дверь и исчезли. Мы стоим. Ждём. Не разговариваем. Вот выходит одна из женщин и говорит нам (больше никого не было):

- Вытирайте чисто ноги и заходите.

Мы все были босиком, усердно потёрли свои ступни, поднялись и зашли внутрь церкви. Первое впечатление – темно и холодно. Пол мне показался каменным, был он очень холодным, но очень чистым. Женщина строго говорит:

- Как войдёт батюшка, встаньте на колени и молитесь тихонько. Креститься умеете?– и показала, как надо креститься. Вторая женщина в это время зажигала свечи.

Становилось светлее. И вдруг я увидела, как необычайно красиво передо мной: всё голубое-голубое и на этом голубом сверкает золотом много-много икон! Именно так увидела я иконостас (слово это, конечно, ещё не знала) и стала вглядываться в каждую икону. Оглядела и всё вокруг. Стены расписаны красивыми «божественными» картинами. Потолок – куполом и высоко-высоко, а в самом центре его – белая птица! Я говорю:

- Не улетит птица-то?! Смотри, вроде, шевелится?

Зойка хохотнула в кулак:

- Ты чё, она нарисована! Там темно ишшо, вот тебе и чудится. Баушка мне говорила, что это Божья птица – Белый голубь.

Тут появился батюшка в чёрной одежде до пола, встал к нам спиной и начал читать что-то совершенно непонятное. Удивило, что он даже не поздоровался. Мы, как было приказано, опустили на колени, и у меня сразу стало портиться настроение! Мне не нравилось стоять на коленях, а главное – я не могла видеть всю ту красоту, которая явилась, когда в церкви посветлело от зажжённых свечей! Не помню, как всё это закончилось, как мы шли домой, о чём болтали. Помню лишь это голубое светящееся видение и ощущение невозможности любоваться им! Ночью оно даже приснилось мне, но идти в церковь не хотелось.

И вот как-то слышу с улицы крик соседского Вовки:

- Эй, собирайтесь все! Скорее, давайте! В церкви – свадьба!

Снова целой ватагой бежим по направлению к церкви. Именно бежим, потому что Вовка торопит:

- Они давно уже там! Пошевеливайтесь! Уедут ведь! Кто именно там, было непонятно, а ещё больше – что значит, уедут?! Юрка и спрашивает со смехом:

- На чем это уедут, куда?! Мы тоже захихикали. А Вовка:

- Ты чё?! Там же лошадь стоит! С цветами! Конечно, уедут – путешествовать!

Все замолчали и прибавили шаг. Приблизившись к церкви, мы действительно увидели неподалеку от неё красивого, вороного коня, украшенного по дуге цветами. На кошёвке, в которую он был впряжён, раскинута большая красивая шаль – с красными розами, золотыми листьями по темно-бордовому полю и золотыми кистями, достававшими до земли. Помню, мне стало жаль, что кисти могут запачкаться: начинал накрапывать дождь. Но больше всего нас поразил конь! Мы ходили вокруг него и громко восхищались:

- Какой большой! Чё-о-рный!

- Ага – вороной! А важный какой, споко-ойный!

- О, смотри, как переступает ногами!

- Умный, наверно! Угостить бы его...

- Отойдите-ка, ребята! Отойдите от греха! Гранит не любит этого!

Только тут мы увидели кучера. Он стоял недалеко и курил «цигарку-самокрутку».

- Ого – Гранит! Это имя у него такое? – отреагировали мы.

- Ну, да – так мы его кличем. Добрый конь.

Вскоре от церкви донесся шумок, и мы поспешили к ней. Там собрался народ – немного, человек десять. Кто-то сказал:

- Вставайте здесь, ребята, будьте гостями, только не шумите.

Нам понравилось, что нас приняли за гостей и не только не отогнали, а ещё и, вроде как, пригласили. Мы растянулись шеренгой и стояли молча, разглядывая остальных. Старушка в белом платке тихо сказала:

- Как славно – дождичек начинается, кроткий какой.

Это хорошо, дождь на свадьбу-то! Примета добрая – к счастью!

Вот двери церкви раскрылись, и на крыльцо вышли две хорошо одетые женщины с кулёчками в руках. Они попросили всех встать «рядком» по обе стороны крыльца. Сами встали первыми и несколькими, видимо знакомым, отсыпали чего-то из кулёчков. Послышались голоса: «Молодые! Молодые!», и в дверях показались жених и невеста!

Как выглядел жених, не помню совершенно, а невеста была – настоящая красавица! На голове, посередине лба, веночек из мелких, белых и желтоватых, цветов (мама потом сказала, что они были, по-видимому, восковые и шёлковые, скорее всего, старинные). Из-под веночка красиво спадала длинная «газовая» вуаль, а впереди, из-под неё, выглядывали тёмные локоны. На лице выделялись огромные чёрные

глаза и нежная розовая улыбка. Платье – до пола белое, блестящее – «атласное»!

Молодые медленно, осторожно стали спускаться с крыльца, и с обеих сторон их стали чем-то, крупной вроде, обсыпать. Невеста приближалась к нам. И вдруг мы узнали её! Это была Рита Куминова – самая красивая «взрослая» девушка нашей округи! От неожиданности кто-то из нас выдохнул:

- Рита!..

Она, тоже от неожиданности, обернулась в нашу сторону, но жених подхватил её на руки и понёс к подъезжавшей кошёвке. В это самое время к нам подошли две нарядные тётеньки и стали угощать конфетами «в бумажках»! Когда я подняла глаза от конфеты, что оказалась в моих руках, Гранит уже набирал скорость. Успела лишь увидеть вздувшуюся вуаль и поднявшиеся, мелко дрожащие золотые кисти шали, покрывавшей кошеву. Красавица Рита уехала, и больше мы никогда её не видели.

А жила она в Больничном переулке, рядом с больницей-богадельней, в аккуратном деревянном доме с тремя окнами, всегда сверкавшими чистотой и белоснежными занавесками. Окна смотрели в цветущий, от весны до осени, палисадник с кустами сирени, шиповника и клумбой разноцветных огромных георгин посередине. Рита вышла замуж, кажется, сразу после окончания школы. Она была соученицей моей сестры Лиды. Её младшая сестра Тамара, это она придерживала вуаль невесты сзади, стала врачом. Много позже мы общались с ней по работе. Муж Тамары – главный врач одной из больниц Тюмени Аркадий Асланян, был хорошо известен в городе.

Вот как запомнилась мне та свадьба – яркое событие нашего детства! Гранита мы потом встречали в городе, и всякий раз такая встреча была радостью для нас.

С удовольствием вспоминаю и первое посещение Круглой церкви. И всегда думаю, что же это такое голубое было в ней?! Сейчас ничего голубого там нет. Что это было? Такое красивое! Такое голубое! Такое...

P.S. Мне давно хотелось написать – про эту свадьбу и эту церковь, но всё что-то не случалось. А тут села, припомнила, и сразу записала – «как по наитию», сказала бы мама. Несколько дней так хорошо было на душе, и в то же время что-то мучило. Что? Что это?! Не пойму!

И вот – еду на 13-ом автобусе по Комсомольской и вдруг справа, недалеко, мелькнула Всехсвятская... Выхожу на ближайшей остановке и иду в обратном направлении, к церкви...

Зачем? Не знаю. Давно не была? Да, давно. Но, не то... Маму с папой помянуть? Конечно. Но... и это не то. Подхожу к оgrade – грязновато: многоснежье подтаяло. Вхожу внутрь. Службы нет, тихо, безлюдно, темновато. В глубине благолепно сияет золотом иконостас. Беру свечи. Подхожу к аналою. Крещусь. Прикладываюсь. И – поднимая голову, вижу, чуть слева – голубое! Да-да! Тот самый голубой, лишь чуть поблекший, цвет! Это фон высокой, во весь рост, иконы Василия Великого и вижу – точно такая же икона справа – Андрея Первозванного (на них написаны имена) и у неё тоже фон – голубой!

По щекам покатались внезапные слезы – это тот самый цвет-свет из детства! Поднимаю глаза – купол тоже голубой! И тот же голубь, только – спокойный, хотя, как и тогда, не очень светел... Да не снится ли мне всё это?!

К горящим свечам подходит служительница – в светлом платочке на светлых волосах, очень милая. Она убирает угасающие свечи и приветливо смотрит на меня, видимо, чувствуя, что я хочу обратиться к ней. Обращаюсь:

- Не правда ли, прежде здесь был другой иконостас? Я видела его в детстве.

- Да, – отвечает она, улыбаясь, – здесь был маленький, голубой, иконостас...

Изумленно молчу. Слёзы капаят. Видимо, поняв меня по-своему, служительница с готовностью добавляет:

- Иконостас тот не утрачен. Его в 1982-м году перевезли в Абалак. Остались вот только – Василий Великий и Андрей Первозванный – на алтарных вратах.

Я не могу, да и не хочу сдержать слёз. Стою в забытьи посередине храма. Перевожу взгляд вверх, влево, вправо, и сквозь слёзы льётся и льётся мне в душу голубое-голубое сияние – то самое, что обожгло её в далёком-далёком детстве!..

Благодарю, Тебя Господи, за возвращённую Радость! Благодарю Тебя!!! Благодарю!!!

Перед выходом сердечно прощаюсь с доброй служительницей. Она приглашает: «Приходите к нам почаще!»

Оборачиваюсь. Поклоном ещё раз прощаюсь с моим голубым. Выхожу на свет.

Так вот зачем я шла сюда сегодня! Вот зачем. А ведь заходила и раньше: свечи ставила, родных поминала, но не видела ничего голубого! Не видела! А оно было. Было и – не показалось. Верно, не те моменты случались... А сейчас подоспел – тот самый. Спасибо...

Светлой памяти моего деда
Куряте Станиславу Васильевичу посвящается...

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

1941 год. Июль. Душный вечер в деревне Гановка на Украине. Пятилетний Стас сидит в корыте, а ласковые мамины руки быстро промывают его взлохмаченную шапку кудрей... На столе вкусные драники со сметаной... Вот сейчас он поест и будет уже в кровати слушать тихую песню мамы «Ой, дивчина, шумит гай...» Мама каждый вечер тихонько напевает, когда быстро стирает в корыте их одёжки, моет посуду, ставит заплатки или гладит... Стас привык засыпать под мамины песни.

Вдруг дверь резко распахнулась, вбежала тётка Юзя, что-то быстро шепнула маме. Мама ойкнула и повалилась на земляной пол. Юзя мгновенно плеснула на маму водой из корыта. Мама очнулась, схватила сына, прижала к себе и дрожащим голосом еле слышно сказала: «Нет, я не покину сына». «Треба, треба, Ядвига», – тоже тихо успела прошептать Юзя...

И в хату ввалились мужики в чёрных одеждах с плетками и наганами... В одном из них Стас сразу узнал родного и очень злого дядьку Бориса... Юзя помогала маме подняться с полу...

Мама хотела что-то сказать, но дядька Борис её вытолкнул за дверь, а орущему Стасу прошипел: «Цыц, байстрюк».

До утра Стас ждал маму. Перед рассветом тихонько вошла тётка Антонька, погладила Стаса по голове, что-то тихо сказала тётке Юзе... Та бегом побежала домой... На улице ещё потом долго были слышны пьяные браные выкрики, плач детей и женщин, и где-то совсем рядом раздались выстрелы...

Тётка Антонька, опухшая от слёз, через лазейку в саду дедушки Яна привела Стаса к тёте Юзе, а сама, низко пригибаясь к земле, побежала к своему единственному сыночку, ровеснику и другу Стаса.

Только-только прокукарекали петухи, замычали коровы, заблеяли овцы, завизжали свиньи, залаяли собаки... Ребятишки Юзи тоже не спали, вместе с Юзей притаились в сарайчике. Ошеломленному всем виденным, Стасу наперебой шептали, что в хату заходить нельзя: их батька и пьяные фашисты только что затихли там, что маму Стаса и ещё много деревенских девчат силой запихнули на станции в телячьи вагоны

и отправили в Германию, а кто пытался сбежать, тех сразу убивали на месте...

Так Стас впервые узнал о фашистах – к горлу подкатился противный комок, дыхание сперло... Что было дальше, он не помнил...

Очухался... никого нет в сарае... Через щели в стенке увидел: прямо у крыльца дома мочился пьяный фашист, покачиваясь и бормоча что-то себе под нос, ближе к сараю, в большой беседке ели и пили другие фашисты. Куриный суп разливал им сам дядька Борис... Стас юркнул из сарайки и побежал через огороды и сады к станции. Он надеялся, что мама сбежала, что её не смогли убить... Она где-то здесь, в деревне, тоже где-то спряталась и ждёт ночи, чтоб вернуться к нему. Сердечко его билось, как птичка в клетке, он устал, очень хотелось есть...

Откуда-то появилась опять тётка Юзя, схватила его за ручонку, привела снова в сарайку, а покормить, видно, забыла... Так началась страшно голодная и холодная жизнь без мамы... Поздней осенью Стас попытался убежать из семьи дядьки-полицая, добрался до крайней хаты деревни, залез на крышу, через лаз спустился в кладовку и только откусил от краюшки хлеба – дверь открылась, в проеме дверей стоял красивый молодой человек с одной рукой... «Стас, пойдём...». Накормил, помыл, уложил спать на теплую печку... Сколько прошло времени, Стас не знал... Его резко окликнул дядька Борис и погнал к себе в хату.

Прошло страшных пять лет без мамы... От частых побоев кружилась голова, от простуды замучили нарывы... Тётка Юзя, сестра мамы Мария, подруга мамы Антонька лечили его листьями подорожника и соком лопуха.

Поздней сырой холодной осенью 1945 года вернулась мама с двухлетней дочкой Катей, убрали приколоченные на окна доски в доме деда Яна, зашли, а там совсем пусто. Не было даже корыта, в котором мама мыла Стаса в последний раз... И опять сразу забежал дядька Борис, кричал о какой-то украденной картошке с колхозного поля, что он служил партизаном, а мама Стаса позорит его... У мамы по щекам текли слезы. Она беззвучно рыдала, прижимая к себе Стаса, а Катя с большими глазами спала на материнском плече... Дядька хлопнул дверью и исчез.

Мать схватила так и не развязанный узел с вещичками. «Бежим», – прошептала мама Стасу. Холодная осенняя грязь налипала на постолы Стаса... Моросил дождь, луна то ныряла в тёмное серое небо, то снова освещала далёкие огни станции.

Где-то свистели паровозы. Стас стоял, прижавшись к столбу, на котором тускло светила лампочка. Рядом на скамейке спала сестрёнка

Катя, мама ушла покупать билеты. Стас очень устал, тоже прилёг на скамейку к сестрёнке, положив голову на узел. Заснул... Кто-то осторожно наклонился над ним. Открыл глаза – милиционер и девушка стояли перед ним. «Нельзя здесь спать, заболаете», – спокойно пояснила девушка, взяла Стаса за руку и повела в «детприёмник». Милиционер шёл впереди и нёс на руках спящую Катю.

Так девятилетний Стас и Катя оказались в детдомах, только в разных: у Кати была трахома. Стас был таким истощённым и маленьким, что ему записали шесть лет. От страха, что снова потерял маму, он забыл всё. Даже свою фамилию произнёс неверно... С отличием закончил семилетку, получил диплом сварщика, отслужил в ракетных войсках под Москвой, женился, весной 1971 года газета «Радьянская Украина» помогла ему найти родных. А летом этого же года Стас поехал в деревню Гановка и сразу нашел того, кто его накормил и приютил, у кого он украл краюшку хлеба. Он хотел его поблагодарить, но этот Человек ничего не взял, просто поговорили, он пас коз. На прощание он попросил: «Стас, не вороши прошлое, найди мать. Она очень тебя любила. Моё имя и фамилию нигде не пиши. Слава Богу, что мы живы. Сам видишь – живём без нужды».

Осенью 1972 года Ядвига Яновна сама приехала в Тюмень... Стас с телеграммой в руках помчался на вокзал. Прошло 27 лет разлуки... А они сразу узнали друг друга... И не было на свете никого счастливее их.

ЧЕРНЫЙ ДЬЯВОЛ ПОБЕДЫ

Мы подняли тебя высоко,
Паровые машины не дышат,
Ты прославил наш край и депо,
И об этом пусть знают и слышат
Павел Микитич

В Тюмени много памятников, посвященных Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Мой рассказ об одном из них.

С ним, этим исполином, то есть «черным дьяволом», я близко познакомился в августе 1960 года, когда после окончания технического училища № 2 города Тюмени пришел на работу в вагонное депо в качестве осмотрщика вагонов. Я занимался проверкой автоматических тормозов вагонов поезда. Чтобы выполнять эту процедуру, я должен был подойти к машинисту локомотива и попросить его произвести пробу тормозов, а после этого вручить ему справку об их исправности. Поэтому мы знали всех «наездников» в лицо, а те знали нас.

Паровозы, которые водили грузовые поезда у нас на Тюменском отделении, были серии ФД. Этот паровоз ФД (Феликс Дзержинский), на конструирование которого ушло всего 170 дней, был самый мощный с конструкционной скоростью 90 км/час, это был серийно выпускавшийся советский грузовой паровоз, его строили в 1931 – 1941 годах на Луганском (до 1935 года), а затем на Ворошиловградском заводе – до фашистско-немецкой оккупации города. Было выпущено 3211 паровозов этой серии, и каждый оставил свой неизгладимый след в истории железных дорог страны.

4 ноября 1931 года первенец отечественного паровозостроения повел из Луганска в Москву специальный поезд с делегацией, которую возглавлял секретарь заводского парткома Дорохин.

6 ноября поезд прибыл в Москву, где на Казанском вокзале делегацию помпезно встречали председатель ВСНХ (Высший Совет народного хозяйства) Г.К. Орджоникидзе, нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов, нарком путей сообщения А.А. Андреев.

7 ноября, в 14-ю годовщину Великой Октябрьской революции луганских делегатов, как почетных гостей столицы, пригласили на Красную площадь, где они наблюдали парад войск Рабоче-Крестьянской Красной армии и праздничную демонстрацию трудящихся г. Москвы.

В июле 1933 года первая очередь нового Луганского завода была введена в эксплуатацию. До конца года луганчане построили 21 паровоз серии ФД. Паровозы этой серии решением правительства были признаны основным типом для грузового парка железнодорожной сети СССР. В 1937 году паровоз ФД был представлен в числе лучших образцов мирового локомотивостроения на Парижской международной выставке.

В 1987 году ко Дню железнодорожника в честь трудового и боевого подвига тюменских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., а также в связи со 100-летием локомотивного депо Тюмень один из паровозов серии ФД, а именно ФД21 – 3031, поставлен на постамент у ДК «Железнодорожник».

За что ему такая честь? За миллионы тонн перевезенных стратегических грузов, за спасенные жизни раненых бойцов и тысяч эвакуированных, за способность, если нужно, пойти на таран и вывести из строя вражеский бронепоезд. «Когда он на ходу, то он непобедим», – так молва характеризовала ФД21. А еще его называли «черным дьяволом».

Приведу воспоминания одного из машинистов, обслуживавших такой, паровоз, Михаила Николаевича Ковязина:

«... Как сейчас помню, осенью 1941 года паровоз ФД21-3031 прибыл оттуда, с Запада (депо Бологое Октябрьской железной дороги), своим ходом и привел силовую сцепленную полдюжины паровозов. Горячий, еще не остывший после дальнего пробега. Тендер, обшивка на котле пробиты пулями, осколками, раны наскоро заштопаны сваркой. Теперь ему предстояло воевать в тылу.

Начальником депо работал Сергей Михайлович Пургин. Он меня вызвал и предложил принять для работы фронтальной комсомольский паровоз. На щитах у дымовой коробки этого локомотива были нарисованы в развернутом виде Красные знамена и крупным шрифтом под знаменами написано слово: «Комсомольский».

Трудиться на «фронтнике» не в полную силу было совестно. Да и время настало такое напряженное, требующее полной выкладки физических и духовных сил! Шла Великая Отечественная война. И мы, комсомольцы, решили работать по-фронтному. В составе бригад в то время у меня работали машинист Георгий Агафонов; помощники: Петр Нелюбин, Игнат Гордеев, Виктор Соснин, Владимир Злобин, Георгий Симаев; кочегарами: Надя Деева, Геннадий Кичин, Фердинанд Егоров и другие.

Комсомольский локомотив стал школой воспитания и переквалификации молодежи в суровые и тяжелые дни Великой Отечественной войны...».

Действительно, этот паровоз был не просто местом работы – он был товарищем и другом, сплотившим вокруг себя безусых пареньков и воспитавшим ответственных будущих руководителей различного ранга. А еще замечательных друзей, таких, как В. Соснин – впоследствии замминистра и И. Данкин – Почетный гражданин города Тюмени. Они жили позднее в разных городах, но приезжали в гости друг к другу. Были и многие другие.

М.Н. Ковязин был награжден правительственными наградами, дважды – в 1945 и 1946 годах знаком «Почетный железнодорожник». Работал в депо Тюмень с 1938 по 1968 годы.

Его ученики Г. Симаев и Ф. Егоров впоследствии стали не просто машинистами, а инструкторами.

В. Ф. Соснин в 1959 году первым в Тюмени получил звание Героя Социалистического труда, работал начальником Свердловской железной дороги, а затем заместителем министра путей сообщения СССР.

Г. А. Кичин также в 1971 году был удостоен звания Героя Социалистического труда, был депутатом Верховного Совета РСФСР, председателем Тюменского городского совета ветеранов.

Со всеми, кого назвал М.Н. Ковязин, я встречался по работе, кроме Нади Деевой (в то время женщины на локомотивах уже не работали), и могу сказать, что все они были ответственными людьми, профессионалами – такими их выковала обстановка того времени. Нам, молодым, было, у кого учиться ответственности, трудолюбию, дисциплине. Я горд, что судьба свела меня с такими замечательными людьми: со многими из них мне приходилось встречаться не только с правой стороны паровоза, выдавая справку об исправности тормозов поезда, но и вне работы.

Сейчас нет пионерских и комсомольских организаций, но к нему, исполину, участнику боевых и трудовых подвигов, идут постоянно экскурсии и школьников, и студентов, и ветеранов. Паровоз и сегодня остается школой патриотического воспитания молодежи нашей великой страны, у которой богатая история и огромная территория. О нем рассказывают и для того, чтобы пришедшие помнили о том, что память священна, – это великая русская земля! Так было, так есть и так будет всегда!

МАМА

Мама была красива. По утрам собираясь на работу, она перед старым, тусклым зеркалом заплетала косу и укладывала её короной на затылке. Алька с восхищением и гордостью наблюдала за ней. У Альки волосы были пострижены коротко, долго лежала в районной больнице, а там не кому ухаживать, косы заплетать. Глаза у мамы были карие, брови вразлёт, губы, что называется, бантиком. Грудь высокая, бёдра крутые, статная, да пригожая. Бабы в деревне маму недолюбливали за красоту, да за характер весёлый, да за то, что детей четверо. Осуждали, что дети все от разных отцов, а мужа ни одного.

Муж у неё был, перед самой войной зарегистрировались, месяца не прожили, ушёл на фронт, да и пропал без вести. Осталась от него только фамилия, доставшаяся детям, родившимся после войны. Отцов в деревне никто не знал, так как семья была приезжей... Завидовали бабы, не познавшие радость материнства, Алькиной матери.

По субботам ходили Алька с мамой через дорогу к подруге в баню. В баню эту ходили пол-улицы, все вдовы. Сообща топили, весело парились, а потом пили чай из самовара с пирогами, шаньгами, шумно дули на блюдечки, остужали. В центре стола стояла головка сахара, по мере надобности откалывали ножом. Все продукты приносились вкладчину. Потом откуда-то появлялась наливочка смородиновая, мама Альки приносила балалайку и начиналось веселье. Кто-то пел, кто-то плясал, а в конце почему-то бабы плакали. Алька тоже плакала, поддавшись общему настроению, плакала горько, навзрыд. Все пугались и начинали Альку успокаивать. А с побеленных бревенчатых стен строго смотрели портреты родственников хозяйки, с траурной ленточкой. Преимущественно мужчины.

Эх, война, кровожадная и бездушная, сколько женщин ты обездолила...

КУРЯТНИК

На кухне, возле двери был оборудован курятник: небольшой ящик, сделанный из реек. Куры находились в нём зимой, а летом жили во дворе, в сарайке. Внутри стояла чашка с водой и ещё одна чашка с крупой. Куры неслись и мама каждый день доставала одно-два яичка. В

курятнике шла своя жизнь, куры постоянно что-то делили, разгребали опилки, посыпанные у них на полу, гортанно кудахтали.

Алька садилась на колченогий табурет и наблюдала за курами, а куры с интересом наблюдали за Алькой. Однажды, Алька открыла дверцу, приподняв гвоздик, который служил затвором и залезла в курятник, прикрыв за собой дверцу. Куры от удивления потеряли дар речи. В курятнике наступила тишина. Братья делали уроки и не видели происходящего и, похоже, вообще про Альку забыли. Алька попробовала куриной крупы, крупа ей не понравилась.

Она хотела вылезти, но гвоздик, когда Алька захлопнула дверцу, предательски вернулся в первоначальное положение и путь назад был отрезан.

Алька взвыла. Она взвыла так горько, так отчаянно, что куры прониклись её отчаянием и кудахтали все, захлопали крыльями, заматались по курятнику, полетели перья, опилки... Прибежали братья, они не могли понять, что случилось с курами, Альку они среди этого бедлама сначала не заметили.

Но, в конце концов, Алька была освобождена. Старший брат погрозил Альке кулаком, средний Альку умыл и вычесал ей перья из головы, а младший, показал язык и сказал: «Дура!»

ИКОНА

В новом доме, в переднем углу, висела огромная, в Алькин рост, икона. На ней была нарисована Богородица с младенцем Иисусом. Хотя в те годы особо в бога не верили (Гагарин слетал в космос, бога не увидел), но в деревнях на всякий случай иконы в домах держали. Дом продавался с иконой в придачу. Альку поразила красота иконы. Богородица с нежностью держала младенца на руках, в глазах её светилась великая радость и великая скорбь. Она была торжественна и строга. От иконы исходил свет. Не тот свет, что из окошка, а какой-то таинственный, мерцающий и домашний.

Но самое главное – Богородица смотрела на Альку. Алька отходила вправо – Богородица смотрела на неё, Алька отходила влево – Богородица смотрела на неё, Алька забиралась на полати – результат был тот же. Алька робела под этим взглядом, ей казалось, что Богородица видит её насквозь, знает все её грехи. Грех у Альки был. Один. Мама недавно принесла бутылёк с рыбьим жиром и велела Альке каждое утро пить по чайной ложке. Алька сначала честно пила эту жёлтую гадость, а в одно утро – забыла. Через день вспомнила, но уже не захотела больше

пить и не стала. Так бутылёк и стоял на кухне за оконной занавеской до переезда и благополучно переехал в новый дом. Под настойчивым взглядом, Алька пошла, нашла бутылёк и поставила его на стол, чтобы утром выпить чайную ложку рыбьего жира. И почему-то ей стало тепло и спокойно на душе.

СКАЗКИ ОЛЕНЕВОДА ВЭСАКО В ТВОРЧЕСТВЕ ЯМАЛЬСКОГО КОСТОРЕЗА

Север, далёкий и загадочный, его безбрежные просторы всегда привлекали не только путешественников, но и любителей природы. Неравнодушные к быту и традициям северных народностей у меня зародилось ещё в школьные годы, когда в учебную программу был введён региональный компонент, который включает в себя некий объём знаний по различной тематике о родном крае. В связи с этим в нашем классе была проведена серия интереснейших занятий по ознакомлению с бытом и культурой народов Севера.

Педагог рассказывала не только о суровом крае и о народностях, населяющих ямальскую землю, а также о безлесой тундре и дремучей тайге. Каждый урок сопровождался показом слайдов или диафильмов. Учительница знакомила учащихся с красотой наших северных городов, именами писателей, воспевающих родную Тюменскую землю, поведала о богатстве и разнообразии устного творчества ямальских народов, о проведении у них различных обрядов и ритуалов.

На занятиях по краеведению звучали различные сказки, легенды, пословицы, поговорки, сказания...

На уроках труда нами был изготовлен макет чума, а в кабинете ИЗО оформлены выставки детских рисунков «Растительный мир тундры» и «Северные птицы». В детско-юношеской библиотеке довольно часто открывались «Литературные гостиные» по творчеству поэтов и писателей Тюменского Севера. Также запомнилось посещение в Картинной галерее выставки тюменских художников-пейзажистов. Картины, представленные авторами, были объединены одной темой «Север». Красота северной природы даёт простор воображению, вдохновляет на творчество художников: каждый по-своему передаёт жизнь и облик северной стороны.

Картины с изображением тайги или мчащихся по тундре оленей до сих пор у меня вызывают восторг.

Осенью прошлого года мне представилась возможность – посетить презентацию персональной выставки, приуроченной к Году культуры, ямальского художника из Салехарда Сергея Лугинина.

Экспозицию составило около 70-ти произведений художественного косторезного искусства, созданных автором на протяжении многих лет. Сергей Александрович работает с камнем и деревом, но больше всего

любит резьбу по кости. В своих работах мастер стремится передать красоту и фантазийную мощь природного материала. Его резные фигуры возникают как продолжение фантазии природы. В музейной витрине мы видим голову дикого козла, вырезанную из сброшенного лосем рога. Рядом расположились несколько образцов северных птиц, фигуры медведя-оборотня и старика-отшельника, экспонат шамана с его главным атрибутом – бубном. А вот волк на белоснежной льдине погрузился в одиночество, русалка приросла к природному камню, а на картине, выполненной в технике граттаж¹, вырезаны как единое целое сурово-мудрые профили вороны и старухи.

Северный эпос глубоко спрятан в недрах человеческой памяти. Художественное ремесло Сергея Лугинина – это наследство мифологических предков. Его персонажи – не просто сибирские животные: волки, лисы, медведи, моржи, а чаще – герои древних сказаний сибирского народа. Костяные фигурки сопровождают небольшие плакаты с отпечатанными на них сказками оленевода ВэсакоНеркаги:

«Сначала ничего не было...Только вода кругом была. И тогда Нум² Гагаре сказал: «Ты нырни и достань кусочек землиднако». Три раза ныряла Гагара. Первый – травку достала, второй – камушек, а на третий – комочек земли! Сделал Нум из травки лес, из камушка – горы, ну и землю, конечно!»

Глядя на эти произведения искусств, возникает непреодолимое желание – попасть на Ямал, увидеть северное сияние, покататься в оленьей упряжке, познакомиться с жизнью оленеводов тундры, пожить в чуме, однако.

¹Граттаж – способ выполнения рисунка путём процарапывания пером или острым инструментом бумаги или картона, залитых тушью.

²Нум – в самодийской мифологии (у ненцев, селькупов и т.д.) верховное божество.

МОТАНКА

В праздник славянской письменности расцвела ярмарка народных промыслов тюменских районов и гостей города. У третьеклассницы Анжелики, только что получившей в подарок каникулы, глаза искрились, отражая пестроту красоты: вышивки, угощения, поделки. Топор в руках мастера выделывал игрушки, колдовал гончарный круг, разлетались частушки, ходили ряженные в народных костюмах. Участки деревень соперничали в мастерстве творений рук и разнообразии угощений. Художники рисовали блиц-портреты.

Столы еле выдерживали на себе угощения – ватрушки, караваи и прочую выпечку, массивные кружки с напитками, грибочки, огурчики. Блестел самовар, женщины в гимнастёрках с георгиевскими ленточками угощали солдатской кашей из котелка. Птицы счастья летали на ниточках. Внимание девочки привлекли солнечно-яркие нитяные куколки. Хозяйка в фольклорном костюме, увидев заинтересованность ребёнка, рассказала, что куколки-мотанки являются оберегом. Называются они так, потому что делают их наматыванием ниток. Она предложила девочке попробовать сделать самой такое чудо, не сравнимое с глупыми Барби и чудовищами Монстр-хай по доброте и ласковости.

Ярмарка звенела, искрилась, в общий шум врывались голоса зазывал. В торговых рядах висели яркие поделки из шерсти, бусы, куколки. В плетёной корзинке пестрели клубки, стояли на столе глиняные поделки, кувшины. Детские пальчики старательно наматывали ярко-малиновую шерстяную нить из клубочка на картонный прямоугольник.

«Учительница» журчала добрыми нотками:

- Молодец! – это бодрящее похвальное слово повторяла часто.

- Теперь картон убираем, ниточку завязываем.

Лица смотрела с интересом за действиями мастерицы.

- Смотри, какая у тебя кукла красивая получается!

Но это был ещё только намёк на куклу. Яркий пучок намотанных ниток манил своей мягкостью пальцы.

- Возьми её в руки, погладь. А теперь догадайся, что надо делать?

Лица с улыбкой гладила податливые нити, оживавшие в её руках.

Мастерица показала нитяного человечка василькового цвета.

- Возьми ниточки такого же цвета и завяжи на два узелка. Вот и голова получилась!

Пальчики девочки уверенно завязывали узелки. Получились яркомалиновая голова и распущённая юбка. Добрый голос подсказывал.

- Молодец, хорошо! Теперь что нужно сделать? Руки, конечно. Расправь ниточки, погладь. Надо завязать ручки.

Детские глаза живо следили за действиями умелых рук – это было интереснее бездушных картинок на планшете. В четыре руки были сделаны ручки куколки.

- Смотри: и с этой стороны завязали, и с другой стороны.

Старательная ученица увлечённо продолжала ваять куколку.

- А теперь надо туловище сделать. Я подержу, а ты проведи пальчиками.

Лица самостоятельно завязала поясок на два узелка.

- Ты же девочка, поэтому будем делать юбочку. Ножничками надо всё прорезать. Потом мы с тобой всё лишнее уберём.

Пока Анжелика состригала нитки, бодрый голос коробейника с птицами счастья зазывал прохожих с импровизированной улицы бульвара:

-Ну что, красавицы, частушки знаете?

Его голос подхватил лихой баянист. Полетели птицами частушки, потеплел день. Под музыку аккуратно обрезались все хвостики.

- Как хорошо ты убрала лишние ниточки. А чтобы ручки настоящими получились и красивыми, аккуратно обстригаем.

Ножницы скользили, и работа поддавалась туго.

- Не надо далеко продвигать ножнички, ты краешком стриги.

Лица постаралась, и ножницы послушались.

- А теперь я тебе немножко подравняю.

Девочка восхищённо наблюдала за лёгкостью движений блестящего инструмента в умных пальцах мастерицы. Протянули синюю ниточку, и получился оберег, который можно носить на шее.

- Ну вот, ты теперь у нас мастер, Анжелика!

Под аплодисменты девочку торжественно украсил оберег, сделанный её руками. Он тепло прикоснулся к маленькому серебряному крестику на цепочке.

МАЛЕНЬКИЙ МИР

Когда-то на Алтае я отдыхала в санатории Белокуриха. И там была просто удивительная природа. То, что я там видела, можно было назвать чудом природы, о котором я вам расскажу.

Возле нашего санатория была скульптура большого орла. И стоило к ней приглядеться, можно было увидеть множество муравьев. Они копошились, суегились, всё время что-то делали. Мне показалось, что они строили что-то очень важное. Каждый нёс что-то своё. Один нёс соломинку, другой соринку. А один крохотный Муравейка нёс малюсенькую палочку. Казалось бы, какая лёгкая работа у этого Муравейки. Но ему было очень тяжело. Он постоянно путался среди остальных. Ему было нелегко забираться по неровностям скульптуры. Он растерялся и затоптался на месте. Мне было жалко Муравейку. Я бы очень хотела взять его и перенести в то место, куда ему нужно. Но нет, я боялась, что если возьму его в руки, то что-нибудь ему поврежу.

Мне стало так грустно от того, что я не могу ему помочь. Я представила себе, как королева похвалила молодого работника за его труд. Ведь он трудился – нес палочку. Я посмотрела на Муравейку, а он совсем потерялся: побежит то в одну, то в другую сторону. Вдруг к нему подполз другой большой Муравьище. Перегородил ему путь, замахал лапками. И тут я очень удивилась. Муравейка повернулся совершенно в другую сторону, прополз около 10 сантиметров и заполз в щелочку. Первой моей мыслью было, что Муравьище хочет обидеть Муравейку, а оказалось – указал ему правильный путь. Насколько дружный и трудолюбивый «народ». Сейчас Муравейку похвалят. Ведь он немало потрудился. Я была очень рада. А Муравьище, наверно главнокомандующий строительным отделом. И главнокомандующий помогает даже такому маленькому, как Муравейка.

Удивительный мир у нас под ногами и в небе: и всё это создала природа, а мы этого не замечаем. У каждого звериного «народа» есть свой язык. Например, муравьи. Взмахнул лапкой и слово сказал.

Делайте открытия, наблюдайте за чудесной природой. И учитесь чему-нибудь даже у самых маленьких существ.

РОДНОМУ КРАЮ

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом песни. Музыка записана на одной системе с нотами и аккордами. Текст песни расположен под нотами. В начале фрагмента есть номер 3 в левом верхнем углу. В строке 7 есть номер 2 в квадратике. В строке 13 есть квадратик. Аккорды: Bb, Eb, Cm, Ab, Bb7, Eb, G7, Ab, A7m, Eb.

Вот уж за - ря в пе - ри - нах го - лу - бых. И
зас - пав - но - е соли - пе с - ще дрем - лет. Рос -
си - нок ка - пель - ки на листь - ях мо - ло - дых ро - дил - ся но - вый
день и все с - му, е - му все внем - лет. Я песнь сво - ю над не - бом воз - вы
ша - ю. Род - ной зем - ле, и ре - кам, и ле - сам. И
му - зы - ка мо - я те - бе, Тю - мень род -
на - я. Здесь все род - но - е, здесь я сам.

и радостны, счастливы, я живои —
Пою я всем, пусть все об этом знают.

Припев: Я песнь свою над небом возвышаю
Родной земле, и рекам, и лесам,
И музыка моя тебе, Тюмень родная,
Здесь все родное, здесь я сам.

3. И первый луч коснулся куполов
И зазвучал веселый звон колоколов.
Мой друг, не надо много слов —
Пусть радость в сердце Богу гимны воспевают.

Привет: Я песнь свою над небом возвышаю
Родной земле, и рекам, и лесам,
И музыка моя тебе, Тюмень родная,
Здесь все родное, здесь я сам.

ЭТО ПОБЕДА!

5 Э-то По-бе-да! По-бе-да! По-бе-да! Всё ра-ди вну-ка, и сы-на, и де-да. Э-то По-

9 бе-да! Ли-ку-ем, род-ная! Сно-ва са-лют над Моск-вой за-жи-га-ют. Вспом-ним ге-

13 ро-ев, по-мя-нем, по-пла-чем. Ра-дость и боль в э-тот день мы не пря-чем. Пусть по-и-

18 мён-но не все нам из-вест-ны, о-ни за Ро-ди-ну сра-жа-лись чест-но. День По-

22 бе-ды вес-ной- э-то празд-ник свя-той! День По-

бе-ды ми-ра над вой-ной!

Это Победа! Победа! Победа!
Всё ради внука и сына, и деда.
Это Победа! Ликуем, родная!
Снова салют над Москвой зажигают.
Вспомним героев, помянем, поплачем.
Радость и боль в этот день мы не прячем.
Пусть поименно не все нам известны,
Они за Родину сражались с честью!

Приве: День Победы весной – это праздник святой!
День победы мира над войной!

Мы победим – так солдаты мечтали.
Ни шагу назад – их в тылу заклинали.
Враг не пройдёт – из окопов кричали.
Лишь бы живой – жёны дома шептали.

Привес: День Победы весной – это праздник святой!
День победы мира над войной!

Это Победа! Победа! Победа!
Ясное солнце и мирное небо.
Дети растут, мы сильны и свободны.
Девятое мая – праздник народный!

Привес: День Победы весной – это праздник святой»
День Победы мира над войной!

МАЙСКАЯ МЕТЕЛЬ

The image shows a musical score for the song 'Майская метель'. It consists of four staves of music in G major, with lyrics written below each staff. The chords are indicated above the notes. The lyrics are: 'Се-ре-ди-на ма-я а на зе-лень е-лей снег кру-жил-ся, па-дал са-ва-на бе-ле-е Ве-тер рвал и злил-ся, буд-то зверь в за-го-не Слов-но в на-ка-за-нье, а за что-не по-нял.'

Середина мая, а на зелень елей
Снег кружился, падал, савана белее,
Ветер рвал и злился, будто зверь в загоне,
Словно в наказание, а за что – не понял.

Так порой на прочность проверяет время,
И судьба привстанет на скаку на стремя,
В ураган событий нас в пучину бросит,
Или вмиг сломает, иль на брег положит.

Как бы ни штормило, жизнь порой не била,
Мы ветра-метели все преодолеем,
Поутру с зарёю выйдем за мечтою
И росой омоем души мы с тобою.

Вот слова с мотивом в песне повстречались,
Вдруг душа запела, струны зазвучали,
Трудный путь осилим, по плечу нам с песней,
Может не серьёзной, но вполне уместной.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Любовь Анохина.....	1
Владислав Корнилов.....	4
Ольга	
Ожгибесова.....	10
Елена Василенко.....	13
Мария Кутрунова.....	14
Светлана Печёнкина.....	15
Нина Федина.....	16
Владимир Усольцев.....	18
Злата Тихонова.....	20
Петр Шевченко.....	21
Анна Иванова.....	22
Таиса Якимова.....	23
Галина Грищаченко.....	24
Светлана Ерофеева.....	26
Сергей Дюкалов.....	28
Наталья Листкова.....	29
Лидия Самарина.....	30
Анастасия Ковалёва.....	31
Татьяна Черепанова.....	32
Светлана Ярмухаметова.....	33
Тамара Пасынкова.....	34
Ирина Жгурова.....	35

Проза

Михаил Леонов.....	36
Светлана Ерофеева.....	46
Людмила Дрозд.....	51
Владимир Кутрунов.....	56
Юрий Лысков.....	59
Галина Грищаченко.....	62
Алла Шамсутдинова.....	65
Ирина Жгурова.....	67
Ольга Матаева.....	69

Песня

Игорь Гайнуллин.....	70
Татьяна Черепанова.....	72
Сергей Шулинин.....	74

Ода Тюмени

**Сборник произведений самодеятельного словесного творчества
жителей города и его окрестностей**

ООО «ИД «Титул»
625000, г. Тюмень, ул. 30 лет Победы, 33/6,
Тел. (3452) 742-542

Подписано в печать 22.07.2015 г. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать трафаретная Усл. печ. л. 4,36
Тираж 80 экз.

Отпечатано в ООО «ИД «Титул»

